

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
Национальный исследовательский университет

Институт гуманитарных
историко-теоретических исследований

НЕКЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
Андрей Полетаев

Ответственный редактор И. М. Савельева

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва 2011

УДК 081
ББК 94я44
Н47

Подготовка издания осуществлена в рамках проекта
«Формирование дисциплинарного поля в социальных
и гуманитарных науках в XIX—XXI вв.»
(Программа фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2011 г.)

Ответственный редактор — *И. М. Савельева*
Ответственный секретарь проекта — *Н. В. Самутина*

Неклассическое наследие. Андрей Полетаев [Текст] / отв. ред.
Н47 И. М. Савельева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». —
М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. — 704 с. — 600 экз. —
ISBN 978-5-7598-0895-4 (в пер.).

В книгу вошли статьи и фрагменты монографий А. В. Полетаева (1952—2010), дающие представление о широте профессиональных интересов ученого и глубине проработки каждой из дисциплинарных областей, к которым он обращался в разные периоды жизни. Существенная часть работ написана вместе с постоянным соавтором И. М. Савельевой. Тексты сгруппированы в четыре раздела («Социолог», «Историк», «Экономист», «Науковед»), а принцип их отбора отдает дань нестандартности мышления автора, разнообразию его достижений и замыслов, страсти к продуктивной профессиональной дискуссии. Тексты отобраны и прокомментированы коллегами А. В. Полетаева, представителями разных дисциплин и научных поколений.

Издание адресовано всем, кто имеет отношение к современному социогуманитарному знанию, будь то студент или академик. Четкое, аргументированное, предельно содержательное, и вместе с тем всегда увлеченное, живое письмо А. В. Полетаева представляет сегодня редкий образец научной культуры.

УДК 081
ББК 94я44

ISBN 978-5-7598-0895-4

© Полетаев М. А., 2011
© Савельева И. М., 2011
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

И. М. Савельева. Думать по-настоящему 5

СОЦИОЛОГ

И. М. Савельева, А. В. Полетаев. Типы знания о прошлом 12
Предисловие: *А. Ф. Филиппов (10)*

А. В. Полетаев. Классика в общественных науках..... 60
Предисловие: *В. С. Вахитайн (58)*

И. М. Савельева, А. В. Полетаев. Люди, годы, книги..... 96
Предисловие: *В. В. Писляков (94)*

И. М. Савельева, А. В. Полетаев. Классика в классах..... 138
Предисловие: *Е. А. Вишленкова (136)*

И. М. Савельева, А. В. Полетаев. Исторические знания американцев 165
Предисловие: *А. Б. Каменский (162)*

ИСТОРИК

И. М. Савельева, А. В. Полетаев. Значение и смысл «истории» 199
Предисловие: *М. А. Бойцов (196)*

*И. М. Савельева, А. В. Полетаев. Историческая истина
и историческое знание* 253
Предисловие: *Л. П. Репина (250)*

*И. М. Савельева, А. В. Полетаев. Эмпирические основания
исторической науки*..... 281
Предисловие: *В. С. Савчук (278)*

*И. М. Савельева, А. В. Полетаев. Микроистория
и микроанализ*..... 300
Предисловие: *Ю. В. Иванова, П. В. Соколов (298)*

*И. М. Савельева, А. В. Полетаев. Национальная история
и национализм* 324
Предисловие: *Л. Р. Хут (322)*

*И. М. Савельева, А. В. Полетаев. Историческая наука
и ожидания общества*..... 342
Предисловие: *Б. Е. Степанов (340)*

ЭКОНОМИСТ

- А. В. Полетаев.* Долговременные изменения доли прибыли в цене 369
Предисловие: *Л. М. Григорьев* (366)
- A. V. Poletayev.* Gross Domestic Product of the Russian Federation in Comparison with the United States, 1960—2004 402
Предисловие: *С. А. Николаенко* (400)
- А. В. Полетаев.* Эффективность функционирования российского рынка труда 438
Предисловие: *Р. И. Капелюшников* (435)
- А. В. Полетаев, И. М. Савельева.* Сравнительный анализ двух системных кризисов в российской истории (1920-е и 1990-е годы) 486
Предисловие: *Р. М. Энтов* (484)
- А. В. Полетаев.* Длинные циклы и экономическое развитие в XIX—XX вв. 523
Предисловие: *Румен Аврамов* (520)

НАУКОВЕД

- А. В. Полетаев.* К вопросу о российском вкладе в мировую экономическую науку 572
Предисловие: *В. С. Автономов* (570)
- А. В. Полетаев.* Показатели развития общественных и гуманитарных наук в России в период экономического подъема 610
Предисловие: *А. В. Юревич* (608)
- И. М. Савельева, А. В. Полетаев.* Зарубежные публикации российских гуманитариев: социометрический анализ 643
Предисловие: *М. М. Соколов* (640)
- А. В. Полетаев.* Образование и рынок труда 666
Предисловие: *М. Л. Агранович* (664)
- Список печатных работ *А. В. Полетаева* 685
- Сведения об авторах предисловий 702

Ирина Савельева

ДУМАТЬ ПО-НАСТОЯЩЕМУ

Если в этом лесу кто-то и должен думать,
а когда я говорю «думать», я имею в виду
думать по-настоящему, то это наше с тобой дело.

А. А. Милн. Винни-Пух и все все все

В сентябре 2009 г. мы дописывали книгу о классике и придумали название: «Классическое наследие»¹. Тогда это показалось удачной находкой. Мы очень веселились, представляя, как будет выглядеть переплет: «Ирина Савельева, Андрей Полетаев “Классическое наследие”». Книга появилась в продаже в сентябре 2010 г., и для тех, кто знал Андрея, слово «наследие» приобрело не иронический, а прямой смысл. Нехорошее предчувствие, к тому же, слышится теперь в нем.

Но Андрей так много продумал и сказал о механизмах «возведения в классики», что никогда бы не согласился с таким названием в новых, недобрых обстоятельствах. Поэтому посмертный сборник его трудов я решила назвать «Неклассическое наследие».

Труды, вошедшие в этот сборник, отбирались из сотен научных работ, написанных Андреем Полетаевым. Но главное, что отличает состав этой книги от многих других, — это число представленных в ней научных дисциплин. В каждой знание, произведенное Андреем, было значимым. Я не хочу использовать более сильные эпитеты — они звучали и при его жизни, звучат и в кратких предисловиях к избранным работам. Эти предисловия — еще одно отличие данной книги. Я попросила коллег написать несколько слов, предваряющих каждый текст Андрея, ибо не всегда представители одних наук могут оценить, да и просто понять, что сделал Андрей в других областях. Среди откликнувшихся и написавших — Учитель, ученики, последователи, поклонники, друзья, коллеги. Экономисты, социологи, историки, науковеды. Это реакция на его тексты профессионалов, для которых он писал. Между нами шла даже своеобразная «борьба за наследие»; представителям разных наук и свидетелям разных периодов его жизни порой казалось, что именно их сегмент в сборнике «ущемлен». И успокаивала я их только словами о том, что это — не последняя книга трудов Андрея Полетаева. Я уверена, что их будет еще несколько, а может быть, и много.

Предельно коротко охарактеризовать Андрея Полетаева как ученого можно тремя словами: Теоретик, Профессионал, Эрудит. Без попытки сформулировать собственную концепцию проблемы, а в больших трудах и

¹ Савельева И. М., Полетаев А. В. Классическое наследие. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010.

теорию, работа над созданием текста не начиналась никогда. Думаю, не ошибусь, если скажу, что это относится даже к очень конкретным статистическим исследованиям, которые он регулярно выполнял для разных аналитических институций. Единая концепция лежит и в основе коллективных трудов ИГИТИ, почему они и являются в полном смысле коллективными *монографиями*. Одна из таких работ института, «Классика и классики в социальном и гуманитарном знании»², делалась дольше других и на каком-то этапе забуксовала: статьи, написанные для нее известными учеными, были очень интересны, но вместе составляли не более чем сборник. Потратив немало времени, Андрей в итоге написал незапланированную главу «Классика в общественных науках», в которой предложил концепцию специфической роли классической литературы и классических авторов в современной социальной науке. После обсуждения с авторами текстов она и стала магистральной, многие статьи были переработаны, и сборник превратился в монографию.

Вы держите в руках первую книгу Андрея Полетаева, в которой нет и не могло быть сквозной концепции в этом смысле. В то же время она концептуальна, поскольку дает представление о диапазоне теоретических новаций Андрея Полетаева и о его стиле теоретизирования. Точно так же, по-моему, в главах и статьях по всем дисциплинам виден почерк настоящего ученого, глубоко знающего литературу и источники. Энциклопедическая образованность, которую многие отмечают в предисловиях, — результат постоянного труда. Достаточно часто ему приходилось изучать предмет практически с нуля, поднимаясь от учебников до «вершин» того или иного направления. Это относится и к социологии знания, и к семиотике, и к социальной антропологии, и к некоторым разделам психологии. И предпринимались все эти штудии не с целью получить общее представление, а чтобы дойти до самой сути. Он всегда пытался понять неочевидное: «как это устроено» (рассуждение, концепция, модель, система, дисциплина), и хорошо видел то, что он называл «дырки». Это относилось в равной мере и к работам именитых ученых (Томаса Куна, Хейдена Уайта, Пьера Бурдьё или Иммануэля Уоллерстайна), и к методикам опросов Гэллапа или Хэrrриса, и к методам сбора и презентации статистики наших аналитических центров. Свойственное ему системное мышление, критический анализ и ироническое отношение к текстам проявлялись и в рутинной работе: я никогда не встречала такого умелого редактора и безупречного библиографа.

Про одну нашу книгу Андрей, улыбаясь, говорил: «Мы пишем не для славы, а для вечности». Несмотря на иронический тон, обращение Андрея к понятиям «вечность» и «слава» не было случайным. Недаром нашу книгу «История и время» открывает гравюра Питера Брейгеля «Триумф времени»

² Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / И. М. Савельева, А. В. Полетаев (ред.). М.: Новое литературное обозрение, 2009.

с аллегорической фигурой Славы, неподвластной всеразрушающему Хроносу. Вот и по мере составления книги «Неклассическое наследие. Андрей Полетаев», перечитывания статей и вступительных слов к ним, постоянно возникал вопрос: для чего она создается? Для чего, помимо понятной дани этике академической культуры воспоминания? Для славы? Для вечности? Для памяти? Для восполнения невосполнимого? Мне кажется, время этих причин еще не пришло. Эта книга пишется для продолжения научной дискуссии, точнее — многих дискуссий по разным проблемам.

Большие ученые служат ритуальными фигурами самоидентификации для корпорации. Знание о них объединяет нас в интеллектуальное сообщество. Я сознательно говорю не «память», а «знание», кстати, одно из любимых слов Андрея. Потому что, я уверена, — он долго будет оставаться «живым автором» (во всех четырех дисциплинах), участвующим в процессе производства современного знания, недаром в последних своих книгах он так много об этом писал. С ним можно продолжать спор, о чем свидетельствуют и многие предисловия к помещенным здесь работам.

Я признательна всем друзьям и коллегам, которые участвовали в подготовке этого издания. И конечно, неизменной остается моя (наша) благодарность тем людям, которые когда-то обсуждали с нами проблемы, поднятые в этой книге, и консультировали нас по вопросам, связанным с широким кругом гуманитарных и социальных дисциплин. Существенную помощь своими советами и замечаниями оказали нам В. С. Автономов, С. П. Баньковская, Т. Д. Венедиктова, О. В. Голова, Л. М. Григорьев, М. А. Бойцов, Б. В. Дубин, Г. И. Зверева, Г. Л. Кертман, Ю. А. Кимелев, Л. Л. Лисюткина-Бельцер, Н. А. Макашева, Н. Б. Маньковская, В. В. Писляков, Н. А. Проскурякова, В. П. Руднев, Р. М. Энтов и многие другие.

Е. А. Рязанцева с исключительным мастерством и вниманием редактировала эту книгу. Спасибо ей.

Особая благодарность — нашим друзьям и коллегам по Институту гуманитарных историко-теоретических исследований Высшей школы экономики. Старшему поколению — М. Л. Андрееву, А. Б. Каменскому, Л. П. Репиной, А. М. Руткевичу, А. Ф. Филиппову. И новому поколению — Е. А. Вишленковой, А. Н. Дмитриеву, Ю. В. Ивановой, И. М. Каспэ, Н. В. Самутиной, Б. Е. Степанову, П. В. Соколову, — обращаясь к которому не так давно, Андрей сказал: «ИГИТИ — это вы».

Но, как мы обычно писали в предисловиях к своим книгам, ответственность за недостатки, в том числе и ответственность за выбор статей, несу я одна.

СОЦИОЛОГ

Типы знания о прошлом — тема, которой И. М. Савельева и А. В. Полетаев занимались на протяжении ряда лет и посвятили несколько работ. Дар систематизации и огромная эрудиция авторов не должны заслонять от нас главное. В этих сочинениях они приблизились к сокровенным тайнам своей науки.

Ученый не может не относиться к своему предмету с некоторой долей наивности, даже если он искушен в методологии, даже если то и дело ставит философские по сути своей вопросы. Эта наивность благоприятна для работы, и авторы нередко спорят с философами, склонными к логической радикализации своих выводов. Что значит «быть наивным» в данном случае? Это значит быть уверенным в существовании своего предмета, и если история — это «наука о прошлом», то прошлое есть нечто несомненное как подлежащая изучению реальность, и проблема состоит именно в качестве и способах ее изучения. Но здесь — только начало пути, и путь этот ведет к теоретическим безднам, интеллектуальным авантюрам и в конечном счете к новым вершинам.

Итак, история, говорят нам авторы, это один из типов знания о прошлом, и пока мы остаемся, скажем так, **социологами**, нам ясно, как следует двигаться дальше. Есть социальная реальность. В основе ее лежат самостоятельные, но не вполне проницаемые психические феномены, без которых невозможны действия людей, а из действий в конечном счете состоит все социальное. Понятно, что действия, свершившись, тут же оказываются в прошлом, а прошлое — это уже предмет истории. Понятно также, что действия связаны с представлениями о прошлом, это разные представления и разные действия. Таким образом, в прошлом, на которое направлен интерес историка (не всякое прошлое, строго говоря, занимает историка, но это детали, которым не место в кратком очерке), происходили действия, в том числе связанные со знаниями о прошлом, с разными типами знания. В свою очередь, история, в настоящее время (**наше настоящее**) — наука о прошлом, — не всегда была знанием о прошлом, она сама в этом качестве есть относительно поздний, исторический продукт.

Но в таком случае сама история есть предмет истории. История типов знания о прошлом есть предмет науки, исторически **ставшей**, связанной с определенными представлениями о характере времени, являющейся **одним** из видов знания о прошлом. История, подобно руке на знаменитой литографии Эшера, рисует себя самое, рисуящую себя самое.

Парадоксальный характер такого рода знания роднит историю и социологию, и недаром социология знания, наряду с теорией исторического знания, является одной из самых излюбленных тем наших авторов. Но так понятая история выходит за пределы социологии, она трансцендирует ее, придает ей временное измерение и проблематизирует те категории, которые социолог — опять-таки лишь с известной долей наивности — может использовать в готовом виде, углубляясь в тему лишь в части философской, но не исторической рефлексии.

Поэтому истории выпадает особая задача среди всех социальных наук. У нее двойственное положение. Она есть всего лишь **одно из** знаний о прошлом в настоящем и **всего лишь** одно из знаний о социальной реальности как реальности, имеющей временное, историческое измерение. Но это **всего лишь** — не свидетельство смирения, это двойное самоутверждение в рядах других видов знания открывает также и двойное притязание, притязание на особый статус знания, в некотором роде более универсального, более принципиального, потенциально открывающего больше и более многообразных перспектив.

Все ли сделано на этом пути Савельевой и Полетаевым? Конечно, нет. Вряд ли мы сильно погрешим против истины, сказав, что это — после стольких лет пути — все еще начало. Но это хорошее начало на хорошо расчищенном поле. Это ясность, которая внесена в очень сложные вопросы. Это задачи, которые поставлены строго и внятно. Бесконечно жаль, что А. В. Полетаев не успел пройти по этому пути дальше. Но вклад его останется неоценимым для тех обществоведов, кто еще будет заниматься историей истории, теорией истории и историей теории исторического знания.

А. Ф. Филиппов

Ирина Савельева, Андрей Полетаев

ТИПЫ ЗНАНИЯ О ПРОШЛОМ

Однако многим западным социологам эта схема кажется слишком гармоничной, чтобы быть убедительной.

Ю. Давыдов, А. Филиппов. *Общество*

В данной статье кратко излагается концепция, предложенная и развитая нами в двухтомной монографии «Знание о прошлом: теория и история»¹, и использованная в качестве теоретической основы этой коллективной работы. Представляя резюме большого исследования, мы неизбежно вынуждены во многом оставить за рамками изложения сам процесс анализа, предлагая читателю «голые» выводы. Чтобы частично компенсировать подобный изъян, связанный с форматом статьи, попытаемся объяснить, каким путем возникла сама концепция.

Начало нашим размышлениям было положено в книге «История и время: в поисках утраченного», где мы пытались определить «место истории в пространстве социальных наук», исследуя категорию времени в историческом анализе². Трактуя современное историческое знание как научное, мы тем не менее обращали внимание на его гораздо менее формализованный характер, почти полное отсутствие самостоятельных исторических теорий и активное заимствование концепций и методов в социальных и гуманитарных науках, элементы интуиции и игры, присущие многим историческим сочинениям. Там мы, по существу, отстаивали тезис, что с конца XIX в. история складывается как специализированное научное знание о *прошлой* социальной реальности, т. е. отличается от других наук по критерию времени.

Все же ответ на вопрос: что такое история — пришел позднее, когда мы вышли за пределы анализа научного знания и попытались посмотреть и продемонстрировать, как и какое знание о прошлом конструируется в других символических универсумах, не менее, а в предшествующие исторические периоды и более влиятельных, чем собственно «историческое» знание. Архаичные представления, религия, философия, идеология, искусство, обыденные представления — основные из них. Все они предлагают свои

Публикуется по: Савельева И. М., Полетаев А. В. Типы знания о прошлом // Феномен прошлого / И. М. Савельева, А. В. Полетаев (отв. ред.). М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 12—66.

¹ Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история : в 2 т. Т. 1: Конструирование прошлого. Т. 2: Образы прошлого. СПб.: Наука, 2003—2006.

² Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время: в поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997.

«образы прошлого», и все эти репрезентации влияют друг на друга. Поэтому существенно дифференцировать их, показать, какой образ прошлого создается в каждом типе знания и какими средствами, а потом суметь различить в конкретном дискурсе собственное ядро и включения представлений о прошлом, выработанные в других символических универсумах. Конечно, нас интересовали в первую очередь исторические работы, но тот же метод можно применять и к историческому роману, и к политическому манифесту, и к философскому трактату, и к школьному учебнику.

Предлагаемый нами подход к анализу знания о прошлом базируется на использовании и развитии концепций, разработанных в рамках социологии знания, которая оказалась очень эффективным теоретическим инструментом для осуществления задуманного нами анализа.

Напомним, что социологическая теория знания восходит к высказанной К. Марксом в 1859 г. идее о существовании «форм общественного сознания», и становление этого направления приходится на конец XIX — начало XX в. Прежде всего объектом анализа стали архаичные («примитивные») представления (Э. Тайлор, Э. Лэнг, М. Мосс, А. ван Геннеп и др.). Отталкиваясь от этнологических исследований, Э. Дюркгейм вводит понятие «коллективные представления». Появляются первые работы по социологии отдельных типов знания (символических систем): искусства (И. Тэн, Ж.-М. Гюйо, Э. Геннекен), религии (М. Вебер, Э. Дюркгейм), права (Р. фон Йеринг, Г. Еллинек), естественно-научного знания (А. Пуанкаре).

Второй этап формирования данного направления приходится на 1920—1930-е гг., когда М. Шелер вводит само понятие «социология знания». В сферу социологического анализа наряду с архаичным знанием, религией, правом, искусством включаются идеология (К. Манхейм), наука (Т. Знанецкий, Р. Мёртон) и, наконец, обыденное знание (А. Шюц).

Третий этап — 1960—1970-е гг. В этот период появляются обобщающие теоретические работы по социологии знания (П. Бергер и Т. Лукман, Д. Блур, Б. Барнс, К. Кнорр-Цетина). Одновременно резко активизируются исследования по социологии отдельных символических систем³: прежде всего науки (М. Малкей и др.), искусства, обыденного знания, а также религии, идеологии и даже философии (Р. Коллинз). Кроме того, в сферу социологического анализа знания включаются проблемы властных и имущественных отношений. Речь идет о концепциях «власти — знания», «символического капитала», «символической власти» и т. д. (М. Фуко, П. Бурдьё).

В результате формулируется достаточно четкое социологическое определение знания:

³ См., например, серию статей К. Гирца: *Гирц К. Идеология как культурная система* [1964] // *Его же. Интерпретация культур*: пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. С. 225—267; *Его же. Религия как культурная система* [1966] // Там же. С. 104—148; *Geertz C. Common Sense as a Cultural System* [1975] // *Idem. Local Knowledge: Further Essays in Interpretative Anthropology*. N. Y.: Basic Books, 1983. P. 79—93; *Idem. Art as a Cultural System* [1976] // *Ibid.* P. 94—120.

«Для социолога знание — это то, что люди считают знанием. Оно состоит из тех представлений (beliefs), которых люди уверенно придерживаются и с которыми живут. В частности, социолог должен заниматься представлениями, которые воспринимаются как данные или институционализированные, или наделенные авторитетом группами людей»⁴.

С точки зрения феноменологической социологии, формирование социального запаса знания (по терминологии А. Шюца) одновременно является процессом конструирования «реальности»:

«...Поскольку всякое человеческое “знание” развивается, передается и сохраняется в социальных ситуациях, социология знания должна попытаться понять процессы, посредством которых это происходит и в результате чего “знание” становится само собой разумеющейся “реальностью” для рядового человека. Иначе говоря, мы считаем, что социология знания имеет дело с анализом социального конструирования реальности»⁵.

Слово «реальность» может отчасти дезориентировать читателя, ассоциируясь с «реальным существованием», но здесь мы используем понятие «реальность» в более широком социологическом смысле, когда под «реальностью» понимается все, что считается реальностью в том или ином обществе. Социологический подход к определению «реальности» и «знания» следует отличать от обыденного и философского смысла этих терминов:

«Можно сказать, что социологическое понимание “реальности” и “знания” находится где-то посередине между пониманием их рядовым человеком и философом. Рядовой человек обычно не затрудняет себя вопросами, что для него “реально” и что он “знает”, до тех пор, пока не сталкивается с проблемой того или иного рода. Он считает свою “реальность” и свое “знание” само собой разумеющимися. Социолог не может сделать этого хотя бы только вследствие понимания того факта, что рядовые люди в разных обществах считают само собой разумеющимися совершенно различные “реальности”... В свою очередь философ в соответствии со своей профессией вынужден... стремиться к достижению максимальной ясности в отношении предельного статуса того, что рядовой человек считает “реальностью” и “знанием”... <т. е.> будет исследовать онтологический и эпистемологический статус этих понятий»⁶.

Как отмечают Бергер и Лукман, ключом к пониманию различий между обыденным, философским и социологическим подходом к определению «реальности» и «знаний» является употребление кавычек. Рядовой человек, говоря о реальности и знании, мысленно всегда использует их без кавычек. Философ стремится решить, где кавычки нужны, а где их можно спокойно

⁴ Bloor D. Knowledge and Social Imagery. L.: Routledge & Kegan Paul, 1976. P. 2.

⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания : пер. с англ. М.: Медиум, 1995 [1966]. С. 12—13.

⁶ Там же. С. 10—11.

опустить, т. е. отделить обоснованные утверждения о мире от необоснованных. Наконец, социолог, говоря о «реальности» и «знании», всегда подразумевает кавычки, т. е. социальную и культурную относительность этих понятий.

Напомним, что в классической философии познания социальный, коллективный аспект знания практически не рефлексировался.

Во-первых, знание всегда понималось как продукт человеческой психики, связанный с некой мыслительной деятельностью. При этом «знание» вплоть до XIX в. концептуализировалось как «правильные представления» о мире, возникающие в рамках индивидуального сознания, и все концепции знания были связаны в первую очередь с психологией.

Во-вторых, в рамках философии познания к знанию относились отнюдь не все представления о мире, а только некоторые из них. Селекция основывалась как на особенностях мыслительных операций, так и на характеристиках объекта осмысления. В современных терминах можно условно говорить о селекции по методу и по предмету, т. е. «знанием» считались представления, полученные только определенным методом (с помощью специфических мыслительных процедур) и относящиеся только к некоторым объектам.

В-третьих, для классической гносеологии было характерно устойчивое представление о существовании абсолютного знания (абсолютной истины), которое активно использовалось даже в марксистско-ленинской философии. Абсолютное знание могло отождествляться с внеположенными идеями, Божественным разумом как носителем абсолютного знания, универсалиями, трансцендентальностями и т. д. Другой стороной этих представлений была трактовка знания как результата процесса познания — или внешнего мира (и приближения к абсолютному знанию) или непосредственно самого абсолютного знания (его постижения).

Социология знания отказывается от установок классической философии познания, рассматривая знания как продукт человеческой деятельности, формирующийся в процессе социальных взаимодействий и включающий все виды социально признанных представлений.

Переход от философии познания к социологии знания в значительной мере ликвидировал и проблему классификации знаний, которой ранее придавалось огромное значение. На смену многообразным классификационным схемам, создававшимся со времен Античности и достигшим к началу XX в. умопомрачительной сложности, пришло старое доброе задание типов знания простым перечислением через запятую. В некотором смысле подход к этой проблеме стал даже проще, чем у Платона — тот хотя бы пытался составить полный список дисциплин, теперь же обычно никто не претендует и на это. Начиная с Маркса возникла замечательная, на наш взгляд, традиция: давать не исчерпывающий список типов знания, а оканчивать его словами

«и т. д.», «и др.», «и проч.». Мы полностью поддерживаем этот подход и лишь напомним, что в число самостоятельных типов знания обычно включаются философия, религия, общественные науки, естественные науки, идеология, литература и искусство (эстетическое знание), техническое и практическое знание, мораль и право (этическое знание), обыденное знание и др.

Обратной стороной процесса «уравнивания в правах» всех типов знания стало повышенное внимание к проблеме демаркации, или различения отдельных типов знания, решение которой в рамках философии познания считалось самоочевидным⁷. Еще в начале XX в. вопрос снимался на удивление просто: наука отличалась, например, от религии, тем, что первая была знанием, а вторая — верой (не-знанием или ложным знанием). Признание эпистемологического равноправия всех символических универсумов потребовало более тонких способов демаркации и стало полем для многочисленных дискуссий. Возникшие концептуальные сложности привели к появлению крайней позиции, сводящейся к тому, что поскольку формирование всех типов знания происходит в целом одинаковым образом, различиями между ними можно пренебречь, например, определяя их все как «верования». Однако различение и демаркация знаний и соответствующая экспертная специализация являются одним из важнейших условий прогресса знания и усовершенствования конструкции социальной реальности.

Большинство типов знания и создаваемая в них картина реальности имеют некие темпоральные характеристики, т. е. представления о прошлом, настоящем и будущем, о процессе изменений объекта знания во времени, о состоянии и отличительных чертах «реальности» в разные моменты времени и т. д. Все знания о *прошлой социальной реальности* часто именуют «историческими», что вносит некоторую терминологическую путаницу в обсуждаемую проблему, ибо на самом деле они вырабатываются в самых разных символических универсумах. Что касается истории, то в современном обществе ее целесообразно определять как специализированное общественно-научное знание о прошлой социальной реальности (вопрос о соотношении истории с общественно-научным знанием в целом мы обсудим ниже).

Задача данной работы — продемонстрировать, как именно прошлая социальная реальность конструируется в разных типах знания. В качестве объектов анализа мы выделяем архаичное знание, религию, философию, идеологию, общественно-научное и обыденное знание. За рамками нашего анализа остается искусство, хотя мы отдаем себе отчет в особой важности этой символической системы для формирования представлений о прошлом⁸.

⁷ Проблема демаркации была сформулирована К. Поппером в 1934 г. применительно к разделению научного и философского («метафизического») знания. Мы используем этот термин в более широком смысле для характеристики проблемы различения всех видов знания.

⁸ Репрезентации прошлого в художественной литературе, кино и монументальном искусстве посвящено несколько статей, вошедших в сборник «Феномен прошлого»: Андреев М.

Архаичное знание

Анализ архаичных представлений позволяет понять не только «истоки и корни» современных моделей организации мира во времени, но и некоторые общие принципы их построения.

Многие основные образы темпоральной картины мира, сформировавшиеся еще в рамках примитивных, недифференцированных систем представлений, используются вплоть до сегодняшнего дня в специализированных типах знания — религии, философии, общественных науках, идеологии, равно как и в исторической науке. Существование этих устойчивых образов обусловлено, на наш взгляд, простейшими мыслительными операциями, с одной стороны, и использованием при конструировании темпоральной картины социальной реальности *природных образов*, которые устойчивы просто в силу фактической неизменности природной среды обитания человека, — с другой.

Общие характеристики архаичного мышления детально исследованы в литературе, поэтому мы лишь коротко напомним основные из них.

Во-первых, в архаичной картине мира практически отсутствуют границы между божественной (трансцендентной), социальной и природной реальностями.

Во-вторых, примечательной особенностью архаичной «реальности» является предметность. Мир осмысливается прежде всего через физические предметы, вначале это — элементы мира природы, позднее добавляются предметы, изготовленные людьми. При этом в рамках установки на целостность, взаимосвязанность мира возникает тенденция к уменьшению, размыванию различий между предметами. Отсюда — известные явления антропо- и зооморфизации растений и неживой природы, с одной стороны, и отождествления живых существ с растениями и элементами неживой природы — с другой⁹.

Еще одной особенностью архаичных представлений является специфический тип мышления, выражающийся в слабом развитии системы понятий и активном использовании простейших сравнений или уподоблений (эти уподобления иногда именуется метафорами, но прилагать теорию литературных тропов к архаичным представлениям не корректно)¹⁰. С «допонятийным» мышлением тесно связано отсутствие правил рациональной

Поэтика прошлого. С. 67—95; Дубин Б. Советский и постсоветский исторический роман: герои поэтика, социальные функции. С. 252—291; Самутина Н. Современное европейское кино и идея культуры («прошлое»). С. 337—366; Антощенко А. Увековечивая в бронзе: правительственный замысел памятника «Тысячелетию России» и его воплощение. С. 396—418.

⁹ Мелетинский Е. М. Общее понятие мифа и мифологии // Мифологический словарь / Е. М. Мелетинский (ред.). М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 634.

¹⁰ Этот вопрос исследовался в работах Я. Голосовкера и О. Фрейденберг.

логики, в частности правила «исключенного третьего». Эти особенности архаичного мышления многократно обсуждались в литературе, начиная с работ Л. Леви-Брюля, обозначавшего примитивное мышление как «дологическое», и кончая работами о доминировании правополушарного мышления у примитивных народов (А. Лурия, П. Тульвисте, Т. Черниговская).

С точки зрения нашего исследования существенными представляются три аспекта архаичных представлений: образы времени, представления о прошлом и, наконец, уже на уровне высоких культур древности, простейшие образы («модели») развития общества.

Образы времени

Уже в архаике формируются по меньшей мере два образа времени. Первый основан на представлении о времени как некоей материальной субстанции, чаще всего движущейся (отсюда — время летит, течет, бежит, несется и т. д.); второй — на представлении о времени как подобии пространства. Как и обычное пространство, архаичное время-пространство не является абстрактным, пустым, оно всегда заполнено или временем-материей, или чем-то иным — событиями, явлениями и т. д. Отсюда, как показал Б. Уорф, возникают такие лингвистические конструкции, как «период времени», аналогичные выражениям типа «чашка чая», «буханка хлеба» и т. д.¹¹ Развивая идеи Уорфа, можно сказать, что время-пространство делится на некие периоды или отрезки (части), заполненные временем-материей. Идея о разном «наполнении» и, соответственно, качественном различии отдельных частей времени-пространства лежит в основе разделения прошлого, настоящего и будущего.

В рамках представлений о времени-пространстве использовались по меньшей мере два типа пространственной ориентации: вертикальная и горизонтальная. В каждой из них, в свою очередь, возможно разное «местонахождение» прошлого и будущего. В архаичных культурах обычно прошлое располагалось или «наверху» (при вертикальной ориентации) или «впереди» (при горизонтальной ориентации), что свидетельствует об аксиологических предпочтениях прошлого настоящему и будущему. Как известно, «наверху» считалось и по сей день считается лучше, чем «внизу», а «спереди» — лучше, чем «сзади». В частности, образ генеалогического дерева, которое «растет» сверху вниз, задается в рамках вертикальной временной ориентации.

Судя по данным исторических и этнологических исследований, эти первичные аксиологические структуры постепенно начинают меняться на

¹¹ Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку [1939] // Зарубежная лингвистика. Вып. I. М.: Прогресс, 1999. С. 58—92.

противоположные. Вначале это происходит в рамках вертикальной ориентации: уже будущее помещается наверху, отсюда — идея «восхождения» (по ступеням и т. д.) как форма «движения» в будущее. Что касается горизонтальной ориентации, то здесь смена установок происходит позднее: по мнению некоторых исследователей, лишь с утверждением христианства «человечество» начинает «двигаться» в будущее (т. е. будущее становится более ценным, чем прошлое)¹².

Прошлое

Главный структурообразующий принцип в архаичной картине прошлого — это разделение так называемого мифического и эмпирического прошлого (времени).

«Мифическое время есть время “начальное”, “раннее”, “первое”, это “правремя”, время до времени, т. е. до начала исторического отсчета текущего времени. Это время первопредков, первотворения, первопредметов... сакральное время в отличие от последующего профанного, эмпирического, исторического времени. Мифическое время и заполняющие его события, действия предков и богов являются сферой первопричин всего последующего, источником архетипических прообразов, образом для всех последующих действий. Реальные достижения культуры, формирование социальных отношений в историческое время и т. п. проецируется мифом в мифическое время и сводится к однократным актам творения. Важнейшие функции мифического времени и самого мифа — создание модели, примера, образца. Впоследствии, в эпических памятниках мифическое время преобразуется в славную героическую эпоху единства народа, могучей государственности, великих войн и т. д. В мифологиях, связанных с высшими религиями, мифическое время преобразуется в эпоху жизни и деятельности обожествленных пророков, основателей религиозной системы и общины»¹³.

На наш взгляд, впрочем, точнее говорить о дифференциации «мифических времен», а не об их превращении в героические. В рамках такой дифференциации «мифические времена» начинают делиться на, условно говоря, «доисторические», «предысторические» и «героические». В «доисторических временах» еще нет людей, они фактически появляются только в «предысторические времена», но играют в этом периоде незначительную роль. В свою очередь, «героические времена» оказываются связующим звеном между «мифическими» и «эмпирическими». «Доисторические времена» имеют вселенский характер («мир»), «предысторические» — универсально-социальный («люди»), наконец, «героические времена» обретают отчетливо выраженный

¹² Арутюнова Н. Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время / Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко (ред.). М.: Индрик, 1997. С. 51—61.

¹³ Мелетинский Е. М. Общее понятие мифа и мифологии. С. 635.

«национальный» (племенной, родовой) характер («мы»). Существенно при этом подчеркнуть, что в архаичном знании как «мифические времена» в целом, так и их более дифференцированные типы уже отчетливо выступают в качестве прошлого, «другого» по отношению к настоящему.

Сточки зрения анализа символических репрезентаций прошлого и соответствующих конструкций, создававшихся в архаичных культурах, важное значение имеет форма таких дискурсов. Существует две основные классификации архаичных повествований о прошлом. В первом случае дискурсы делятся на мифы и легенды, в свою очередь легенды делятся на собственно легенды и предания¹⁴. Во втором случае дискурсы делятся на мифы и эпос, в свою очередь эпос делится на архаический и классический¹⁵. В обеих системах подразумевается постепенное вытеснение сакрально-фантастических представлений о прошлом «историческими» или эмпирическими, хотя различие между типами дискурсов, повествующих о прошлом, является не слишком четким и в любом случае не универсальным для всех архаичных культур.

Модели мира

Попытаемся теперь выделить основные типы архаичных моделей мира, задающих его темпоральную организацию. Заметим, что приводимая ниже типология является достаточно условной, поскольку в рамках архаичных систем знания разные образы не были жестко разделены между собой и во многих случаях фактически сливались в сознании.

Одними из наиболее распространенных являются **циклические космологические модели**, связанные с представлениями о влиянии космических тел на человеческую жизнь¹⁶. В развитых архаичных культурах исходные космологические модели темпоральной организации мира преобразуются в достаточно сложные концепции циклического развития мира в целом (различные вариации «Великого года») и общества в частности (в качестве

¹⁴ Sapir E. Indian Legends from Vancouver Island [1925] // Journal of American Folklore. 1959. Vol. 72. No. 284. P. 32—51; Малиновский Б. Магия, наука, религия [1925] // *Его же*. Магия, наука, религия : пер. с англ. М.: Рефл-бук, 1998. С. 19—91; *Его же*. Миф в примитивной психологии [1926] // Там же. С. 92—144;

¹⁵ Неклюдов С. Ю. Структура и функция мифа // Мифы и мифология в современной России / К. Аймермахер, Ф. Бомсдорф, Г. Бордюгов (ред.). М.: АИРО-XX, 2000. С. 17—38; Гринцер П. А. Эпос древнего мира // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира / П. А. Гринцер (ред.). М.: Наука, 1971. С. 7—67; Мелетинский Е. М. Общее понятие мифа и мифологии; *Его же*. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М.: Изд-во восточной литературы, 1963; *Его же*. Поэтика мифа. 2-е изд. М.: Наука, 1995 [1976].

¹⁶ Обзор и библиографию астрологических концепций циклов общественной жизни см. в: Sorokin P. Social and Cultural Dynamics : 4 vol. Vol. 4. N. Y.: The Bedminster Press, 1941. P. 460—497.

наиболее известного примера можно привести концепцию циклов форм правления, которая была впервые предложена Платоном, усовершенствована Аристотелем и законченное выражение получила у Полибия)¹⁷.

К числу преимущественно природных относится и *модель «возрастов жизни»*. В рамках простейших представлений, основанных на физиологических характеристиках живых организмов — изменении физической силы и репродуктивных способностей — в данном случае задается ∩-образная картина развития («улучшение» от рождения до зрелости, «ухудшение» от зрелости до смерти). Поскольку период как до рождения, так и после смерти можно рассматривать как «небытие», эта модель часто преобразуется в циклическую (появление из небытия — цикл развития — уход в небытие). Именно поэтому в современной лексике данная модель часто именуется «цикл жизни» или «жизненный цикл» (life cycle).

В высоких культурах древности принцип индивидуальных «возрастов жизни» начинает переноситься на коллективный уровень. По-видимому, одним из первых эту идею реализовал в IV в. до н. э. ученик Аристотеля Дикеарх из Мессины (Сицилия), но широкое распространение модель «возрастов жизни» в приложении к истории государства получает в Древнем Риме (она присутствует в сочинениях Варрона, Цицерона, Аннея Флора, христианского писателя Лактанция, Аммиана Марцеллина и др.)¹⁸.

К числу древнейших относятся и *семейно-родовые модели*, которые широко применялись для темпоральной организации мира. С древнейших времен история семьи (рода) в «эмпирическом времени» периодизировалась по смене глав рода. «Семейная» трактовка поколения перешла и в исторические исследования — речь идет о периодах правления, которые издревле использовались в качестве единицы времени. Период правления властителя часто отождествлялся с поколением — такую трактовку можно найти уже у Геродота¹⁹.

Из семейного времени концепция поколений переходит в описания истории общества, утрачивая при этом персонифицированный характер. Идея смены социальных поколений встречается в работах самых разных авторов, в частности Гесиода²⁰, Гераклита, Геродота, Платона, Аристотеля,

¹⁷ Платон. Государство. 445c—d; 449a; 543b—d; 545b—c; Аристотель. Политика. 1279a33—38; 1279b5—10; Полибий. Всеобщая история. VI, 3—9.

¹⁸ Анней Флор. Две книги римских войн. Кн. I : пер. А. Немировского, М. Дашковой // Малые римские историки : пер. с лат. М.: Ладомир, 1996. С. 99—191; Лактанций. Божественные установления. VII, 15, 8; Аммиан Марцеллин. История (Res gestae). XIV, 6, 4. См.: Немировский А. И. Луций Анней Флор // Малые римские историки. С. 267—301.

¹⁹ Геродот. История. II, 142; VI, 98.

²⁰ Напомним, что знаменитые «пять веков» Гесиода (золотой, серебряный и т. д.) — это на самом деле не что иное, как пять «поколений» (γέννη).

Зенона из Китиона, Полибия, а также Варрона, Лукреция, Вергилия, Горация, Овидия, Плутарха, Цензурина и др.²¹

Наконец, в развитых архаичных культурах возникает еще один тип моделей темпоральной организации мира, связанный уже не только с природой, но и с деятельностью человека. К моделям такого типа относятся прежде всего различные **концепции «золотого века»** (поколения, периода, эпохи и т. д.), где каждый период «истории» ассоциируется с неким металлом или минералом (золото, серебро, бронза, медь, железо, камень). Впервые, насколько нам известно, такой подход предложил Гесиод. В разных вариантах он обнаруживается как в последующих работах древнегреческих авторов, а затем и римских писателей, так и в древнеиудейских текстах Ветхого Завета (Книга пророка Даниила), и в некоторых других архаичных культурах (например, в германо-скандинавской мифологии не существовало развернутой модели смены «века», но все же в начальный период после творения боги-асы живут в мире, где все сделано из золота).

К этому же классу принадлежат модели, основанные на ассоциации отдельных исторических периодов с разными видами хозяйственной деятельности человека (или отсутствием таковой). Прежде всего речь идет о классификациях типа «охота — скотоводство — земледелие». Первая известная нам концепция такого рода была предложена упоминавшимся Дикеархом из Мессины, который выделил три ступени в истории человечества: первобытную, пастушескую, земледельческую; эту схему использовал и Варрон (I в. до н. э.), у которого она имеет явно выраженную прогрессивную окраску. Не удивительно, что подобные модели вновь обрели невероятную популярность в период доминирования идей прогресса, в конце XVIII — XIX в.

Наконец, для историка необычайно интересна **модель «пути»**, которая конкретизировалась в образах «дороги» и «лестницы», акцентирующих горизонтальное и вертикальное движение. Эти образы широко использовались в мифах о культурных героях, а затем постепенно стали переноситься с индивидуального на коллективный уровень. «Путь» связан с человеческим действием, во многих случаях — с целеполаганием, т. е. обладает телеологичностью. Он может «вести» в будущее, к Богу, к совершенству, познанию самого себя, но также в ад, в тупик, в никуда. Телеологические характеристики одновременно играют аксиологическую роль — цель движения во многом определяет его ценность, соответственно формируются представления о «правильном», «верном» или «праведном» пути и наоборот. В соответствии с аксиологией пространственной ориентации, о которой речь шла выше, движение вверх, вперед и вправо считалось предпочтительнее движения вниз, назад и влево.

²¹ При этом у большинства авторов, апеллировавших к процессу смены поколений, концепция развития общества обычно имела регрессивный характер.

Универсалия «пути» особенно варьируется в рамках «топографического» подхода, где «путь» («дорога») имеет разнообразную горизонтальную структуру — повороты, развилки, перекрестки, распутья, уподобляющие его лежащему дереву; «путь» может быть «прямым», «кривым» и т. д. Кроме того, «путь» связан не только с рельефом, но и с общим характером местности, по которой он проходит — через лес, поле, мост через реку или пропасть. Наконец, сам «путь» имеет разные качественные характеристики — торная тропа, тернистый путь, накатанная или мощеная дорога (например, дорога в ад, вымощенная благими намерениями). «Путь» («дорога») размечается «вехами», «придорожными столбами»; у «дороги» есть «обочины», здесь существуют «тупики», а в XX в. возникают даже исторические «магистральные пути» и «улицы с односторонним движением».

Примерно такую же эволюцию претерпел образ «лестницы», исходно связанный с образом дерева и представлениями о вертикальной структуре мира. Первоначально вертикальное движение по «лестнице» было прерогативой относительно узкого числа мифических персонажей, и имело более сакральный характер, чем движение по «дороге». По «мировой лестнице» могли двигаться шаманы (в низших мифологиях), мифологические трансцендентные существа (боги, ангелы и т. д.) и, наконец, души людей, как умерших, так и живущих героев. Образ «духовной лестницы» материализовался в погребальных сооружениях (пирамиды, зиккураты), и даже в четках, перебирание которых символизировало восхождение по ступеням лестницы. Но постепенно образ «лестницы» генерализируется и социализируется, переносится с индивидуального на коллективный уровень. Возникают модели социального движения по «ступеням лестницы», отражающие изменение коллективного духа, разума и т. д.

Религия

Говоря о религиозной форме знания, мы будем опираться только на примеры из христианства, чтобы не усложнять изложение. Христианское религиозное знание играло в Европе доминирующую роль в формировании образа прошлого человечества на протяжении более чем тысячелетнего периода — по крайней мере с V до XV в. Более того, в Западной Европе в этот период религиозное знание было практически единственным типом специализированного знания, в том числе и об обществе.

Хотя в настоящее время роль религиозного знания в конструировании прошлой социальной реальности сравнительно невелика, анализ формирования образа прошлого, существующего в рамках религиозного знания, представляет не только исторический интерес: религия оказала колоссаль-

ное влияние на те типы знания о прошлом, которые возникли и специфицировались в Новое время, — прежде всего на историософию и идеологию.

В современной литературе религиозное знание о прошлом обычно подразделяется на теологию истории (под «историей» здесь понимается процесс бытия человечества во времени) и христианскую историографию.

Теология истории

Темпоральная картина мира в христианстве выстраивалась постепенно и подверглась существенной эволюции. Первый этап концептуализации состоял в отделении настоящего от прошлого.

«Заимствованную у иудаизма модель апокалиптического ожидания скорого пришествия Иисуса Христа как “конца времен” полностью заменила эллинистическая концепция, берущая начало в двух трудах Луки (Евангелии и Деяниях Апостолов), в которой Иисус Христос трактовался как “середина времен”: вочеловечивание Бога в Христе рассматривалось как поворотный пункт мировой истории, понимаемой как драма, разыгрываемая между Богом и миром»²².

В результате период до Воплощения начинает трактоваться как прошлое, а после Воплощения — как настоящее. На концах мирской истории размещались два особых периода: Сотворение мира и пребывание Адама и Евы в раю, с одной стороны, и царствование Антихриста (или период второго пришествия Христа) — с другой. При этом мирская «история» или бытие человечества во времени с обеих сторон было окаймлено «вечностью» или «встроено» в вечность.

В пределах этой общей схемы использовался набор более конкретных концепций или моделей, разделявших мирскую историю на отдельные периоды. Особой популярностью пользовались трех-, четырех- и семичастные схемы, что было обосновано еще Августином²³.

Трехчастное деление «истории» основывалось на двух основных схемах, восходящих к Новому Завету. В первом варианте трем частям истории соответствовали периоды от Сотворения мира до Авраама или до Моисея (период «естественного состояния» или «естественного закона»), от Авраама или от Моисея до рождения Христа (период Старого, или Ветхого, Завета/договора или «закона»), и от Христа до конца света (период Нового Завета или «закона» или «Божией милости»). Эта схема была разработана Евсевием Кесарийским и Августином и неоднократно использовалась впоследствии. В частности, в первой половине XII в. она была популяризована французским каноником-августинцем Гуго Сен-Викторским.

²² Кюнг Г. Великие христианские мыслители : пер. с нем. СПб.: Алетейя, 2000 [1994]. С. 100.

²³ Августин. О Граде Божием. XI, 31.

В другом варианте трехчленной периодизации истории первый этап относился к периоду от Сотворения мира до Рождества Христова (прошлое), второй — от Христа до Страшного суда (настоящее), а третий — уже к трансцендентному будущему или небесному «Царству Божиему», должному наступить после Страшного суда. В XII в. эта схема стала связываться с ипостасями Святой Троицы. Радикальную модификацию этой схемы осуществил в конце XII в. Иоахим Флорский. Он концептуализировал нетрансцендентное, тысячелетнее земное будущее человечества, которое качественно отлично от настоящего и должно наступить после непродолжительного «царства Антихриста»²⁴.

Эта концепция относительно секуляризованного (насколько это возможно в рамках религиозного знания) будущего стала не только основой для разнообразных ересей и различных реформаторских и революционных политических движений, но и явилась прообразом многих историсофских схем XVIII—XIX вв., в том числе марксистской.

При объединении этих двух типов трехчастных схем возникала четырехчастная модель (более отдаленное прошлое, более близкое прошлое, настоящее, будущее). Но самостоятельный тип четырехчастных схем основывался прежде всего на концепции четырех царств. Отталкиваясь от Книги пророка Даниила, а также от «Истории Филиппа» Помпея Трога (нач. I в.), а позднее — ее краткого изложения, сделанного Юстином (нач. III в.), раннехристианские авторы разрабатывают модель «четырёх царств» — Ассирийско-Вавилонского, Мидийско-Персидского, Греко-Македонского и Римского. Впервые она встречается в «Толковании на книгу пророка Даниила» Ипполита Римского (II в.), затем в комментариях на книгу Даниила, написанных Иеронимом (кон. IV в.), и наконец, в «Истории против язычников» (нач. V в.) ученика Августина Павла Орозия²⁵.

Концепция «четырёх царств» была дезавуирована после распада Римской империи, факт гибели которой достаточно отчетливо осознавался современниками этого события²⁶. Возрождение идеи четырех монархий начинается в конце X в., когда создается Священная Римская империя (с конца XV в. — Священная Римская империя германской нации). При формальном следовании канонической идее о вечности «последнего царства» — Римской империи, «идеологи» германо-итальянских политических притязаний дополнили ее идеей «*translatio imperii*» — так называемого переноса имперской власти из Рима в Византию, затем на Запад — к Карлу Великому, преемниками которого объявили себя германские императоры²⁷.

²⁴ Иоахим Флорский. Согласование Ветхого и Нового Заветов. V, 84.

²⁵ Орозий. История против язычников. II, 1, 4—6.

²⁶ Правда, сама формулировка «гибель Империи» впервые встречается лишь в написанной в начале VI в. хронике комита Марцеллина (ум. ок. 535).

²⁷ Подробнее см.: Swain I. The Theory of Four Monarchies: Opposition History under the Roman Empire // Classical Philology. 1940. Vol. 35. No. 1. P. 112—130; Goetz W. Translatio imperii. Ein

Развитием этой модели стали возникшая на Руси в XV в. после падения Константинополя концепция «Третьего Рима» (где к четырем «царствам» добавлялось два новых «Рима» — Константинопольский и Московский) и появившаяся в XX в. в Германии концепция «Третьего рейха» (где к четырем царствам добавлялись три новых: Священная Римская империя германской нации, Германская империя 1871—1918 гг. и фашистская Германия).

Если же говорить о самостоятельных семичастных схемах всемирной истории, то они также существовали в двух вариантах. Первый основывался на аллегорическом толковании семи дней Творения, включая субботный день отдыха. Неделе Творения должно было соответствовать семь тысячелетий истории человечества. Как и в случае с «тремя эпохами», первоначально седьмое тысячелетие относилось к периоду после Страшного суда, а затем — к земной истории. Но в силу множественности датировок Творения и отсутствия значимых событий на тысячелетних рубежах эта схема актуализировалась лишь спорадически.

Гораздо более широкое распространение получила модель семи «возрастов» или «веков», предложенная Августином и основанная на некоем содержательном, а не арифметическом делении истории. В работе «Об истинной религии (ок. 389/391) Августин уподобил историю человечества жизни отдельного человека, но если у римских авторов обычно использовалась схема из четырех «возрастов», то Августин нарастил ее, увеличив число «возрастов» до семи. Позднее, в заключительной главе «О Граде Божиим» (ок. 427), Августин предложил другой вариант этой схемы, заменив «возрасты» на «века». Августиновская концепция «семи возрастов (веков)» встречается у самых разных авторов. Ее воспроизводит Исидор Севильский (VII в.), развивает Беда Достопочтенный (VIII в.), в XII в. ее использовали французский монах Гуго из Флери; Оттон, епископ Фрейзингенский и др.

В Новое время христианские схемы исторического развития постепенно начинают секуляризоваться. Существенную роль в этом сыграла развернувшаяся со второй половины XVI в. «историографическая война» между протестантскими и католическими историками Церкви (см. ниже), результаты которой реализовались в конце XVII — начале XVIII в. на уровне схем как истории Церкви (протестанты А. Рехенберг, И. Мосгейм), так и всемирной истории (католик Ж. Боссюэ и др.). В XIX—XX вв. религиозная мысль в основном ограничивается периодизацией истории Церкви. При этом и в католической, и в протестантской литературе церковная история в целом так или иначе соотносится с принятой ныне периодизацией истории гражданской. Разница заключается лишь в том, что «древняя» церковная история не простирается, естественно, ранее I в.

Beitrag zur Geschichte des Geschichtsdenkens und der politischen Theorien im Mittelalter und der frühen Neuzeit. Tübingen: Mohr, 1958.

Образы прошлого — настоящего — будущего

Уже в ветхозаветном иудаизме (точнее, яхвизме) сформировалась достаточно сложная картина прошлого — настоящего — будущего. В современных терминах ветхозаветные представления об историческом процессе можно условно обозначить как чередование регрессивного и прогрессивного видения истории. Представления о будущем имели и некоторые циклические или повторяющиеся мотивы, поскольку были связаны с идеей возрождения, восстановления иудейской государственности, величия и могущества иудейского народа времен Давида.

С утверждением христианства характер переплетения прогрессивных и регрессивных представлений о развитии мира еще больше усложняется. В рамках формально единой доктрины оказываются совмещенными разные подходы, что обусловило многие из последующих теологических дискуссий, взаимных обвинений в ереси и церковных расколов.

К традиционным иудейским представлениям о динамике исторического развития добавились и *статичные модели* бытия человечества, частично заимствованные из греческих пространственных концепций космоса. Подобные статичные или «экстемпоральные» представления об истории мира сформулировали еще первые христианские теологи — Тертуллиан (ок. 160 — после 220), Ориген и др. В дальнейшем стремление утвердить статичный образ мира распространяется и на некоторые элементы общественной жизни. Речь идет, в частности, о введенном Августином и развитом позднее Фомой Аквинским промежуточном между «временем» (*tempus*) и «вечностью» (*aeternitas*) понятием «век» (*aevum*), которое открыло возможности для утверждения непреходящего характера и постоянства некоторых общественных институтов, прежде всего Церкви, а затем и института королевской власти²⁸.

В христианстве можно также выделить и отчетливые *циклические концепции* исторического движения, имеющие в своей основе как минимум четыре компонента.

Первый из них — это циклические мотивы, унаследованные от иудаизма и связанные прежде всего с трактовкой будущего конца света как возвращения к исходному божественному состоянию²⁹.

Другой вариант «циклизма» христианство заимствовало у греческой философии. Циклические концепции исторического движения, выражав-

²⁸ См., например: *Kantorovicz E. H. The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology.* Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1964 [1957]. P. 273 ff.

²⁹ О христианском учении как концепции одного мирового цикла см.: *Cairnes G. E. Philosophies of History: Meeting of East and West in Cycle-Pattern Theories of History.* N. Y.: Philosophical Library, 1962.

шиеся обычно в идее последовательной смены «миров» или «эонов», разрабатывали главным образом раннехристианские теологи³⁰.

Третья основа циклических воззрений в христианстве связана с влиянием астрологических систем, издревле популярных на Ближнем и Среднем Востоке. В период становления христианского учения влияние астрологических циклических концепций и различного рода «сакральных чисел» особенно заметно проявлялось (наряду с эллинистическими образами космоса) в трудах гностиков II в. — Валентина, Василида и др. Новый всплеск интереса к астрологическим циклам возник в XII—XIV вв. благодаря влиянию арабов, которые принесли с собой в Европу не только тексты древних авторов, прежде всего Аристотеля, но и восточную астрологию.

Наконец, четвертая основа «циклизма» в христианстве уже не связана с посторонними влияниями и является собственным изобретением христианских теологов. Речь идет о сопоставлении двух частей Библии — Ветхого и Нового Завета — и поиске так называемых параллельных мест, которым занимались многие христианские авторы, начиная с Оригена и Евсевия.

Что касается прогрессивного видения истории, то следует напомнить, что уже в Новом Завете содержится идея превосходства Нового Завета над Старым, соответственно настоящего над прошлым. В наиболее явном виде прогрессистские (точнее, девелопменталистские) идеи выражены в августиновской концепции «возрастов» мира. «Прогрессистское» восприятие исторического процесса проявлялось и в упоминавшихся выше трехчастных схемах всемирной истории, а также в работах византийских теологов, от Псевдо-Дионисия Ареопагита (V в.) и Максима Исповедника (VII в.) до Григория Паламы (XIV в.), которые постулировали превосходство «будущего века» над «нынешним»³¹. В Западной церкви попытки бросить вызов прошлому и дать надежду на будущее особенно активизируются в XII—XIII вв.³²

Вместе с тем теологические рефлексии по поводу истории зачастую были пронизаны глубоким пессимизмом. Та же модель «возрастов» мира часто использовалась для обоснования тезиса о дряхлении, упадке, умирании мира при концептуализации настоящего как последнего «возраста».

³⁰ Например, у Тита Флавия Климента (Александрийского) (ок. 150 — до 215), Оригена (ок. 185—253/254), Евсевия Кесарийского (260/265—338/339) и некоторых других (см.: *Брагинская Н. В.* Эон в «Похвальном слове Константину» Евсевия Кесарийского // *Античность и Византия* / Л. А. Фрейберг (ред.). М.: Наука, 1975. С. 286—306).

³¹ *Аверинцев С. С.* Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья (общие замечания) // *Античность и Византия*. С. 266—285.

³² Некоторые намеки на девелопменталистские идеи можно найти, в частности, в работах Гуго Сен-Викторского (ок. 1096—1141), Бернара Клервосского (1091—1153), Иоахима Флорского (ок. 1132—1202), Фомы Аквинского (1225/1226—1274), Роджера Бэкона (ок. 1214—1292) и др.

Существенное влияние на формирование образов прошлого, настоящего и будущего оказала Реформация. Если в Средние века в христианских историко-теологических схемах главную роль играло будущее, то в Новое время в протестантизме, и особенно в кальвинизме, акцент в значительной мере был перенесен на прошлое и настоящее. Идеалом являлось «доисторическое» прошлое времен раннехристианских общин; более близкое прошлое — это период «папистского безумия»; наконец, настоящее, т. е. Реформация, рассматривается как центр темпоральной структуры мира. Идея Страшного суда отходит на задний план, и второе пришествие начинает связываться с установлением господства на всей земле истинно христианского общества³³.

Христианская историография

Христианская историография тесно связана с проблематикой конкретной, условно говоря, «эмпирической» реализации Божественного Промысла. В самом общем виде предметом христианской историографии являются действия людей и трансцендентных субъектов (и, естественно, результаты этих действий) в их соотнесенности с общим Божественным планом в отношении человечества. Таким образом, христианская историография в строгом смысле охватывает лишь те работы, в которых конструируемая картина социальной реальности включает прямые упоминания о Божественных действиях или прямо соотносит действия людей с Провидением или Божиим Промыслом.

Главной отличительной чертой христианской историографии является трансцендентное присутствие. В конструкциях социальной реальности оно фигурирует в двух основных формах — на уровне описания и объяснения. На уровне описания к трансцендентным элементам относятся явления (события), трактуемые как присутствие или проявление Провидения — откровения в узком смысле и чудеса. Вместе с тем трансцендентные факторы могут использоваться и для объяснения происходящих мирских событий: например, некто сделал то-то или произошло то-то, поскольку на то была воля Божия, людей попутал дьявол и т. д.

По времени описываемых событий христианская историография может быть условно разделена на две части: *Древнюю* и *Новую* историю. Формальным рубежом между ними является рождение или воскрешение Христа, но фактически в качестве историографического водораздела выступает рубеж I—II вв. Иными словами, к Древней истории, по сути, относится период, сопряженный со Священной историей, т. е. охватываемый как Ветхим, так и Новым Заветом, к Новой истории — послебиблейские времена. Эти две

³³ Фурман Д. Е. Религия и социальные конфликты в США. М.: Наука, 1981. С. 64.

части христианской историографии соотносятся с двумя относительно самостоятельными частями теологии — соответственно экзегетической (библейской) и экклезиологической (церковной).

В Новое время складываются три основных направления изучения христианской Древней истории, которые условно можно обозначить как *текстологическое*, *археологическое* и *христологическое*. Подавляющая часть исторических работ относится, естественно, к Новой истории, в рамках которой, в свою очередь, можно выделить три относительно самостоятельных направления: *агиографию*, *историю Церкви* и *историю догмы*.

Говоря о христианской историографии, прежде всего следует иметь в виду, что работы, обозначаемые нами этим термином, довольно долго не были «историческими» в современном значении. Христианская «историография» не ограничивалась только конструированием прошлого, и почти всегда включала картину настоящего. Принцип *usque ad tempus scriptoris* (вплоть до времени пишущего) использовался в исторических сочинениях на протяжении всех Средних веков. Более того, в течение длительного времени (по крайней мере с V по XIV в.) в христианской «историографии» абсолютно доминирующие позиции занимало именно конструирование настоящего и «актуального прошлого», охватывающего период жизни одного-двух предшествующих поколений.

Что касается более отдаленного прошлого, выходящего за рамки «актуальной памяти», то здесь обычно использовались предшествующие работы, также являвшиеся когда-то, в момент их написания, конструкциями настоящего. Существенно, что история не переписывалась каждый раз заново, с позиций сегодняшнего дня, а в буквальном смысле списывалась у предшественников, чей авторитет не подвергался сомнению. Но это не означает, естественно, что конструкция «прошлого» в рамках христианского «Нового времени» оставалась абсолютно неизменной. «Переделка» прошлого была весьма распространена, например, в агиографиях — здесь существует множество примеров того, как видоизменялось житие какого-либо святого с каждым последующим описанием.

Вначале конструирование прошлого было связано с борьбой за утверждение христианства и противостоянием язычеству. Но на рубеже I—II тысячелетий, в связи с развитием новых общественных институтов — политических, социальных, экономических, — возникает потребность и в обосновании различных статусных и имущественных претензий. С этой целью начинают активно использоваться «исторические» свидетельства и доказательства различных претензий отдельных монастырей, епископств и Церкви в целом, как в случае с «Исидоровыми декреталями» и «Константиновым даром», созданными во второй половине IX в. Существенную роль играли и религиозно-групповые интересы, связанные со схизмами — Восточной (1054—1204), Западной (1378—1417), а затем и с появлением про-

тестантизма. Наконец, этому способствовали и групповые интересы различных школ, течений и т. д., где к традиционным интересам добавились статусные (авторитет, позиции в клерикальном сообществе и т. д.).

Первоначально конструкции прошлого в христианской историографии отличались гораздо большим произволом, чем описания настоящего. Но осознание важности прошлого для настоящего, с одной стороны, и столкновение различных групп интересов — с другой, способствовали постепенной выработке общепринятых правил историописания. Решающую роль здесь, безусловно, сыграла «историографическая война» между протестантами и католиками, начавшаяся во второй половине XVI в. и по сути продолжающаяся по сей день. Начало конфессиональному противостоянию церковных историй положила протестантская «Церковная история, изложенная по столетиям» в 13 томах (1559—1574), составленная под руководством жившего в Магдебурге³⁴ Матвея Флация Иллирика (иллирийского славянина Матвея Власича). Ответом католиков стали написанные под руководством директора папской библиотеки кардинала Чезаре Баронио едва ли не столь же объемные «Церковные анналы» в 12 томах (1588—1607), а за этим последовало множество других противостоящих версий церковной истории.

Прошлое в христианской средневековой историографии было сильно персонифицировано, что проявлялось, в частности, в большом удельном весе агиографии. Лишь в Новое время происходит сдвиг от деяний (истории личностей) к институтам. Возникает тенденция к деперсонификации церковной истории, начиная с института папства, Вселенских соборов и т. д. Подобная деперсонификация проявляется и в истории догмы, что выражается в переходе от обсуждения ереси Маркиона — к маркианству, от ереси Ария — к арианству и т. д.

Общий принцип конструирования социальной реальности в христианстве условно можно обозначить как «историзм» (хотя этот термин возник лишь в позднее Новое время). Христианская историография во многом следовала библейской традиции, в соответствии с которой изложение ведется по законам временной последовательности. Этот принцип соблюдался во всех разновидностях христианской историографии — Древней истории (что прямо диктовалось структурой Библии), но также в агиографии (в биогах), истории Церкви, а позднее и в истории догмы. Изложение последовательности событий во временной непрерывности имплицитно порождает ощущение преемственности и даже каузальности: «после этого — вследствие этого».

Примерно с XVII в. христианская историография в ее классическом «трансцендентном» смысле практически прекращает свое существование и сохраняется только в форме агиографии. В настоящее время в «серьезной»

³⁴ Поэтому данная работа обычно именуется как «Магдебургские центурии».

христианской историографии трансцендентные компоненты практически не используются ни на уровне описания, ни для объяснения тех или иных событий. Главным трансцендентным объектом Новой истории в христианской историографии становится Церковь как Божественный институт, в котором и реализуется Божественное присутствие. В целом сегодняшняя христианская историография занимает весьма скромное место в системе знаний о прошлом³⁵. Но летоисчисление мы по-прежнему ведем от Рождества Христова...

Философия

Философские размышления о прошлом обычно именуется «философия истории» или «историософия». Первый термин ввел Вольтер в работе «Философия истории» (1765), обозначив им подход, ориентированный на извлечение «полезных истин» из прошлого — не столь возвышенный и умозрительный, как «настоящая» философия, но и не столь приземленный и детальный, как «настоящая» история. В свою очередь термин «историософия» был впервые использован польским философом А. Цешковским в изданной в 1838 г. в Берлине работе «Пролегомена к историософии»³⁶.

Во избежание терминологической путаницы следует подчеркнуть, что понятие «философия истории» мы употребляем здесь только для обозначения так называемой субстанциальной (онтологической, спекулятивной) философии истории, где слово «история» фигурирует в значении «бытие человечества во времени». Эта оговорка необходима, поскольку в XX в. «философией истории» стали обозначать и философию исторического знания, которая не связана непосредственно с конструированием темпоральной картины мира³⁷.

Элементы или зачатки философского осмысления бытия человечества во времени бесспорно присутствовали уже в Античности, а то и раньше. Точно так же и религия, особенно христианская, содержит подобные раз-

³⁵ См., например: *Cohrane E. What Is Catholic Historiography? [1975] // God, History, and Historians. Modern Christian Views of History / C. T. McIntire (ed.). N. Y.: Oxford Univ. Press, 1977. P. 444—465.*

³⁶ Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; В. С. Степин и др. (науч. ред.) : в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 2001. С. 324.

³⁷ В свою очередь, философия исторического знания обычно подразделяется на «критическую», представленную работами конца XIX — первой половины XX в. (В. Дильтей, Ф. Ницше, Г. Зиммель, Б. Кроче, В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Дж. Коллингвуд, К. Поппер), и «аналитическую», возникшую в 1930—1940-е гг. и активно развивавшуюся во второй половине XX в. (снова К. Поппер, а также К. Гемпель, Э. Нагель, У. Дрей, М. Мандельбаум, М. Уайт, А. Данто и др.). Закрывает (пока) этот ряд «новая философия истории», представленная прежде всего работами Ф. Анкерсмита.

мышления. В этом смысле можно говорить о существовании философии истории и в Древней Греции, и в средневековой Европе. Но первые попытки философской рефлексии по поводу социального прошлого и настоящего, не растворенные в общем знании о мире, как в Античности, или в знании о трансцендентной реальности, как в Средние века, обнаруживаются лишь в эпоху Возрождения.

Если же говорить о философии истории как о некоей относительно самостоятельной области знания, то в этом смысле она формируется только в век Просвещения, а конец XVIII в. знаменовался уже настоящим бумом историософских сочинений. Показательно в этом смысле даже название работы И. Гердера «Еще одна философия истории для воспитания человечества. Новый опыт в дополнение к множеству опытов нашего века» (1774)³⁸.

В XIX — начале XX в. историософия занимает доминирующие позиции как в осмыслении настоящего и будущего, так и в конструировании прошлой социальной реальности. В XX в., в связи с развитием научно-исторического знания, роль философии истории несколько уменьшается, однако и поныне она продолжает играть важную роль в формировании представлений о прошлом, в том числе оказывая влияние на общественные науки. Так, все основные «культурно-исторические эпохи» — Античность, Возрождение, Просвещение, романтизм и т. д. — в первую очередь являются философскими, а не научными понятиями, что не умаляет значимости этих концептов в общей системе представлений о прошлом.

Центральными для субстанциальной философии истории являются понятия «современности» и исторического развития. Осмысление «современности», или «настоящего», автоматически влечет за собой концептуализацию прошлого, как некоего предшествующего состояния социального мира, от которого и отличается «настоящее». Затем «прошлое» также начинает делиться на качественно различные периоды, образуя ведущую к «настоящему» последовательность этапов исторического развития. Наконец, естественным логическим завершением подобных рефлексий являются поиски признаков окончания «настоящего» или «современности» и концептуализация наступающего или грядущего социального будущего. Таким образом, основную задачу, для решения которой создаются философские концепции исторического процесса, можно обозначить как определение «временного положения настоящего» между прошлым и будущим.

Философия истории унаследовала от архаичного недифференцированного знания базовый способ репрезентации социального мира через природные и материальные образы: например, дерево (рост, корни), река (течение, истоки), колесо (качение, вращение), маятник (качание) и т. д. К числу

³⁸ Эта работа была первым вариантом основного сочинения Гердера «Идеи к философии истории человечества» (1784—1791), оставшегося неоконченным (были написаны четыре тома из пяти запланированных).

древнейших относятся и антропоморфные образы социальных общностей; отсюда широко распространенные пространственные метафоры «исторического движения»: восхождение по ступеням лестницы и «путь» («дорога»), со всей сопутствующей «дорожной» лексикой (исторические перекрестки, тупики, развилки и т. д.).

С концептуальной точки зрения философия истории представляла собой радикальный разрыв с христианской теологией, но одновременно историософия возродила многие традиции теологии истории в ее патристическом варианте. Прежде всего, это стремление к кафоличности, «вселенскости», попытка объяснить бытие «человечества» в целом. Далее, историософия восприняла от теологии истории темпоральную целостность, стремление охватить прошлое, настоящее и будущее в их неразрывной связи. У патристической теологии историософия заимствовала и некоторые базовые схемы или модели исторического процесса — «возрасты», эпохи, стадии, равно как и августиновскую идею развития человечества. Наконец, во многих историософских работах присутствуют традиционные для христианской теологии идеи телеологичности истории человечества, равно как и проявления действия неких «внешних» по отношению к социальному миру сил, граничащих с трансцендентными.

Наконец, от естественно-научной традиции философия истории унаследовала страсть к поиску «законов», неизменных правил, «механизмов» и «движущих сил» исторического процесса. Во многих случаях историософы прямо заимствовали терминологию, понятийный аппарат и даже целостные теории из естественных наук. В первую очередь это была классическая физика, со второй половины XVIII в. — химия, а в XIX в. их дополнила и отчасти вытеснила биология. Соответственно общество уподоблялось то механизму (по типу «небесной механики» или искусственных механических устройств), то веществу, то живому организму. Так же как и в естествознании, в классической философии истории не было места для человека — главными объектами анализа были «общество» или «культура».

Связь классической философии истории с естествознанием отчетливо проявляется и на уровне терминологии. Еще со времен Античности для характеристики социального мира использовался термин «движение», связанный с миром физическим. С XVII в. под влиянием классической механики утверждается термин «динамика». В XVIII в. благодаря успехам химии укореняется понятие «процесс». В XIX в. к ним добавилось еще и «изменение», соответственно возникают теории социальных, политических, экономических и т. п. изменений, а под влиянием биологии лексикон пополнили «рост» и «развитие» (последнее стало подразделяться на «революционное» и «эволюционное»).

В сущности, философы оперируют всего тремя базовыми образами исторического процесса (или в лучшем случае их несложными комбинациями), которые можно обозначить как «прогресс», «регресс» и «повторе-

ние». Каждый из этих образов задает свой тип соотношения между прошлым, настоящим и будущим.

«Прогрессивные» концепции исторического процесса предполагают, что настоящее превосходит (по некоему критерию или параметрам) прошлое, а будущее будет по тому же критерию превосходить настоящее. «Регрессивная» концепция отражает пессимистический взгляд на историю: настоящее уступает (по некоему критерию или параметрам) прошлому, а будущее будет по тому же критерию уступать настоящему (по крайней мере, если все будет идти так, как оно шло раньше). Наиболее сложной является концепция «повторения», которая может реализовываться как в жестких механистических циклических моделях, так и в достаточно аморфных образах «воспроизведения» неких предшествующих состояний социального мира. В рамках концепции «повторения» возможны и весьма различные взгляды на соотношение прошлого, настоящего и будущего, в зависимости от того, о «воспроизведении» каких именно состояний социальной системы идет речь.

Важнейшей характеристикой философского подхода является монистический взгляд на историю, что в явном виде было отражено в названии известной работы Г. Плеханова. Современные исследователи выделяют в историософии два вида монизма: социологический (термин М. Мандельбаума) и хронологический (термин П. Андерсона).

Как отмечает М. Мандельбаум:

«Общей для всех вариантов <социологического> монизма является посылка о том, что любой элемент общества связан с другими элементами данного общества таким образом, что он может быть понят только через понимание всех остальных элементов и через понимание данного общества в целом»³⁹.

Наряду с принципом полного социологического монизма Мандельбаум выделяет две формы «частичного» монизма. Первая из них выражается немецкими понятиями *Denkenstil* (образ мыслей, стиль мышления) или *Zeitgeist* (дух времени) и может быть обозначен как «культурный монизм», который распространяется на все формы «духовной» составляющей социальной системы (искусство, мышление, вкусы и т. д.). Вторая форма — «институциональный монизм» — охватывает социальную подсистему, включая экономическую организацию, семью, систему образования, политический и юридический контроль.

Однако, на наш взгляд, точнее говорить не столько о «монизме» или «холизме» историософских концептуализаций прошлого, сколько о стремлении определить некую доминанту, характеризующую ту или иную эпоху. Такие доминанты могут выделяться как в социальной подсистеме общества, так и в подсистеме культуры, реже — в подсистеме личности.

³⁹ *Mandelbaum M. The History of Ideas, Intellectual History, and the History of Philosophy // History and Theory. 1965. Vol. 4. Beiheft 5: The Historiography of the History of Philosophy. P. 47.*

Основные принципы построения историсофской картины прошлого наиболее наглядно проявляются в схемах «всемирной истории». В дополнение к социологическому монизму эти схемы ориентированы также на конструирование «хронологического монизма», т. е. решение проблем синхронии и диахронии, многообразия и единства исторического развития. По способу достижения «хронологического монизма» все схемы «всемирной истории» можно условно разделить на три группы, которые мы обозначим как: 1) выделение ядра; 2) десинхронизация синхронии; 3) синхронизация диахронии.

Выделение ядра

В данном случае мы пользуемся терминологией И. Уоллерстайна, предложенной им при разработке концепции «мира-системы» (World-system). Ключевую роль в этой концепции играет понятие «ядра», т. е. наиболее развитых, «центральных» регионов (стран и народов), задающих облик и ключевые параметры «мира-системы» в целом. Хотя И. Уоллерстайн и другие сторонники концепции «мира-системы» (за некоторыми немногочисленными исключениями) используют ее лишь для анализа истории Нового времени, т. е. начиная с XVI в. это понятие весьма точно отражает суть первого типа историсофских схем «всемирной истории».

В этом случае «всемирная история» является историей «ядра», которое и отождествляется с «миром». Состав «ядра» может изменяться, но все происходящие в нем события упорядочены на шкале реального исторического времени. Подобная схема, увековеченная в сатириконовской «Всеобщей истории», до сих пор фигурирует в большинстве школьных учебников, в которых последовательно рассматриваются Древний Восток, Древняя Греция, Древний Рим, средневековая Европа и европейская Новая история.

Конкретный способ выделения «ядра» отчасти зависит от исторических и географических знаний того или иного автора, но практически всегда в качестве основы выступает некий «идеологический» компонент. История некоторых стран и народов объявляется всемирной, а все остальные рассматриваются как периферия или не рассматриваются вообще (варвары, иноверцы, нецивилизованные народы и т. д.). В качестве такого ядра могут выступать христианский мир, европейская цивилизация, «народы, принадлежащие к осевому времени» (К. Ясперс) и др.

Естественно, что «ядро» также является неоднородным и состоит из отдельных общностей (наций, государств и т. д.). Но обычно в историсофских схемах эта проблема игнорируется, и в пределах ядра исторические события, происходящие в отдельных его сегментах, рассматриваются как общие, имеющие универсальное значение для всего ядра, а тем самым и для «мира» в целом.

Десинхронизация синхронии

Второй тип схем «всемирной истории» тесно связан с ростом географических и этнографических знаний. Столкновение представителей «ядра» с другими народами порождает стремление упорядочить страны по уровню развития, разместив их на единой шкале времени. Но, как правило, и в этом случае в качестве стандарта все равно используется исторический опыт развития некоего «ядра», прежде всего европейского. В результате история каждого народа рассматривается не столько в реальном историческом времени, сколько по некоторой условной шкале стандартного «времени по Гринвичу».

Известным примером такой модели является возникшая еще в Античности триада: охота, скотоводство, земледелие. В Новое время ее первым реанимировал А. Тюрго в «Рассуждениях о всемирной истории» (1750), в конце XVIII — начале XIX в. она встречается у К. Гельвеция, Д. Дидро и у многих других просветителей. А. Смит в «Богатстве народов» (1776) вслед за охотничьей, пастушеской и аграрной ввел «торговую» стадию. В развитие этой схемы в XIX в. представителями немецкой исторической школы в экономике был предложен целый ряд более изощренных стадийальных экономических моделей (Ф. Лист, Б. Гильдебранд, Г. Шмоллер, К. Бюхер и др.).

А. Фергюсон в работе «Опыт истории гражданского общества» (1765) предложил новые названия исторических эпох: дикость, варварство и цивилизация, и деление по этому критерию также получило продолжение, например, в работах Л. Моргана «Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации» (1877); Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884).

Новый всплеск интереса к подобным историческим схемам возник уже после Второй мировой войны. Стимулом послужили работы в области экономической и социальной истории, в частности теории индустриализации и модернизации. На сей раз «всемирная история» предстала как последовательная смена разных типов общества: доиндустриального (аграрного, традиционного) — индустриального (модернизированного) — постиндустриального (информационного, технологического и т. д.). Наиболее детально разработанной концепцией такого типа является модель «стадий экономического роста» У. Ростоу (1961).

Синхронизация диахронии

Третий тип схем «всемирной истории» в некотором смысле противоположен предыдущему по способу достижения «хронологического монизма». В схемах второго типа он достигается за счет диахронизации синхронных событий и расположения всех обществ на единой шкале условного историче-

ского времени исходя из уровня их развития, а в схемах третьего типа «хронологический монизм» устанавливается благодаря синхронизации диахронной истории разных обществ. Предполагается, что каждое общество (культура, цивилизация) проходит одни и те же этапы (фазы, периоды) развития, поэтому историю каждого общества можно нанести на унифицированную временную шкалу, разделенную на этапы, единые для всех обществ.

Наиболее представительными для класса историософских схем, ориентированных на «синхронизацию диахронии», являются «биологические» модели, уподобляющие общество живому существу (переживающему младенчество, детство, юность, зрелость, старость, дряхлость и смерть) или растению. Другим вариантом служат ассоциации с годовым аграрным циклом, поэтому для «ботанических» моделей характерно использование терминов типа «ростки», «расцвет», «плоды», «увядание» и т. д., или обозначения сезонов («весна», «лето», «осень»).

Напомним, что модель «цикла жизни» человека прилагалась к обществу еще Цицероном, Варроном, Флором и другими римскими историками, а затем она была необычайно популярна в теологии истории, начиная с Августина. Но у них, равно как и у использовавшего позднее этот подход Гегеля с его «четырьмя возрастами мира», история была уникальной или монистичной — схема «возрастов» прилагалась к истории одного «мира». По сути, лишь в XIX в. укореняется идея множественности социальных «миров», каждый из которых проходит свой «цикл жизни» — зарождение, подъем, упадок, гибель.

По-видимому, одну из первых схем «биологического» типа предложил Г. Форстер в работе «Руководящая нить будущей истории человечества» (1789), но активное развитие моделей такого рода начинается с середины XIX в. Во Франции к их числу можно отнести сочинения Ш. Фурье и Ж. де Гобино; в Германии — Г. Рюккерта, в России — работы Н. Данилевского и К. Леонтьева. В прошлом веке эта модель была особенно популярной в межвоенный период, когда заметно усилились кризисные процессы в обществе (О. Шпенглер, Ф. Корнелиус, А. Тойнби).

Наконец, третий раунд появления моделей «циклов жизни» относится к концу 1950-х — началу 1960-х гг. (Ф. Бэгби, Р. Кулборн, К. Куигли, Дж. Седжуик-мл. и др.). Отчасти интерес к подобным концепциям был стимулирован завершением публикации работы Тойнби, но в большей степени — реакцией на распространение в этот период линейных моделей развития, основанных на «стадиях роста», «модернизации» и т. д. После этого поток подобных сочинений идет на убыль, хотя время от времени они появляются в различных модификациях: упомянем в качестве примера работы Л. Гумилева.

В последние десятилетия XX в. принципиально новых моделей «всемирной истории» практически не появлялось, но это не означает исчезновения

этого направления в целом. Классические историософские схемы (условно говоря, вплоть до «модернизационных» моделей 1960-х гг.) по-прежнему входят в современный «социальный запас знания». Прежде всего они включены в систему высшего образования во всех странах. Классические историософские произведения продолжают переиздаваться и переводиться на другие языки. Выходят работы, посвященные анализу историософских произведений. Наконец, публикуется множество сочинений, воспроизводящих, развивающих, комбинирующих классические историософские схемы. И хотя эти работы в абсолютном своем большинстве являются, по сути, вторичными, они также обеспечивают сохранение позиций моделей «всемирной истории» в системе знаний о прошлом.

Идеология

Термин «идеология» ввел французский философ и экономист А. К. Дестют де Траси в своей четырехтомной работе «Элементы идеологии» (1801—1815) для обозначения *учения об идеях*, устанавливающего твердые основы для политики, этики и т. д. Ныне идеологии играют особенно важную роль в формировании образа прошлого. Это объясняется даже не столько значимостью данного типа знания в современных обществах, сколько местом, которое, как показали еще К. Манхейм и Х. Арендт, формирование образа прошлого занимает в идеологических конструкциях.

«Когда частное определение реальности соединяется с конкретным властным интересом, его можно назвать идеологией»⁴⁰. Идеологии существенно отличаются от религиозного знания. Они — *не одинаковы* для всего общества, и социальные универсумы, которые они конструируют, — партикулярны. Идеологии создают для своих приверженцев политически детерминированную *групповую* социальную реальность. Чтобы чувствовать себя в ней как дома, надо ощущать себя демократом, пролетарием, патриотом и т. д. При этом, как правило, партикулярные интересы выдаются за всеобщие, и идеологии охватывают весь мировоззренческий спектр — от понимания отношений людей к действительности и друг к другу до интерпретации социальных проблем и конфликтов, включая цели и программы социальной деятельности.

Все классические (общие) идеологии имеют философскую основу. Либерализм, консерватизм, социализм — существуют и как философские, и как идеологические системы. Все идеологии касаются проблем авторитета, власти, властных отношений, моделей устройства общества и способов их практического воплощения. Однако, в отличие от политической философии, идеология больше ориентирована на реальный политический процесс и «массового» потребителя.

⁴⁰ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. С. 201.

«Ведь философия истории, превращенная в политическую идеологию, обладает той особенностью, что — в силу характерного для нее рассмотрения истории как последовательности эпох — она позволяет разъяснить историческим субъектам этого рассмотрения, почему они благодаря их положению в историческом процессе впервые и исключительно способны постичь этот самый исторический процесс. На этом основано их право приписать себе роль партии, которая уже сегодня представляет авангард человечества будущего, а также право, даже обязанность, делать грядущие события политически обязательными»⁴¹.

Важнейшим фактором формирования идеологий было осознание наличия процесса социальных изменений. Большинство идеологов активно применяет историософскую терминологию, характеризующую изменения во времени: прогресс, революция, движение, развитие. Использование этих понятий свидетельствует о важности категории времени в идеологических построениях. Траектория идеологических концепций социума прочерчена от прошлого через настоящее к будущему. «Движение истории и логический процесс развертывания этого понятия (идеологии — И. С., А. П.) предполагаются соответствующими друг другу так, что все происходящее случается согласно логике одной “идеи”»⁴².

Носители разных идеологий накапливают разный опыт, соответственно у них разные ретроактивные ожидания. Темпоральные отличия идеологических систем коренятся прежде всего в типе *соотношения* опыта и ожиданий. Для носителей одних взглядов важнее восстановление отношений с прошлым, для других — установление отношений с будущим.

Для большинства европейских стран идеологическое знание о прошлом неизбежно. Если европеец оглядывается на прошлое своей страны, он видит поразительное идеологическое и социально-политическое разнообразие, которое релятивизирует господствующие идеологии. Прошлое для политиков всегда источник и опоры, и опасности, ибо любая идеология находит там свои «хорошие» и «плохие» времена. К области темпорального компонента в идеологиях вполне можно отнести и понятие ритма (способа) социальных изменений, которым они оперируют.

Концептуальное разделение между прошлым и настоящим в *либерализме* вело к созданию специфических конструкций прошлого как серии последовательных триумфов прогресса. «Исторические интересы» либеральной идеологии концентрировались вокруг становления демократических институтов и ценностей, развития «прогрессивных» социальных процессов и действий передовых личностей и вдохновляемых ими масс. Либералов в истории привлекают такие явления, как парламентаризм, городское самоуправление, классовая борьба и революции, секуляризация общества,

⁴¹ Люббе Г. В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем [1992] // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 99.

⁴² Арндт Х. Истоки тоталитаризма : пер. с англ. М.: ЦентрКом, 1996 [1951/1966]. С. 609.

развитие науки и философии и многие другие, на примере которых зарождение и развитие демократических институтов и либеральных идей рассматриваются как код или закон общественного развития. Соответственно в либеральной истории действуют «предшественники», «основоположники», «пионеры», «основатели», т. е. герои, с именами которых связываются успехи демократии, экономики, науки, культуры. В прошлом идентифицируются идеи, события или люди, открывшие путь к новому, и конструируются последовательности из личностей, будто бы передающих эстафету прогрессивных идей или поступков из прошлого в настоящее.

Консерватизм может представлять собой как апологию существующих порядков, так и ностальгию по утерянному социальному миру. Однако

«консервативное восприятие времени находит важнейшее подтверждение обусловленности всего существующего в том, что открыто значение прошлого, значение времени, создающего ценности... Консерватор привержен прошлому не ради него самого, а ради настоящего и будущего»⁴³.

Главная причина, по которой консерватор стремится сохранить прошлое, состоит в том, что он ощущает его единство с настоящим. Для консерватора важнейший принцип — принцип континуитета, жизненно важной связи между прошлым, настоящим и будущим. У. Эллиот даже сказал, что консерватизм представляет собой в первую очередь «кредо континуитета»⁴⁴.

М. Оукшот акцентировал тот факт, что, с одной стороны, именно «неустроенность настоящего» пробуждает у консерваторов тягу к прошлому и обращает их к восстановлению утраченных устоев, но, с другой стороны, консерватизм процветает прежде всего в стабильном, благоденствующем обществе, «причем наиболее сильными его позиции оказываются там, где процветание сочетается с опасениями его утраты»⁴⁵.

Общественные институты и ценности в глазах консерватора — результат естественного отбора: веками сохраняются те, которые эффективны, и их сохранность, в свою очередь, — доказательство их полезности. «Охранительная» тенденция консерватизма вводит прошлое во всем его объеме в настоящее. И не случайно, что «наиболее серьезное интеллектуальное усилие консервативной идеологии»⁴⁶ было осуществлено в области исторического анализа с целью реабилитации прошлого и изучения преемственности как противоположности революции.

⁴³ Hearnshaw F. J. C. Conservatism in England : An Analytical, Historical, and Political Survey. L.: MacMillan & Co. Ltd., 1933. P. 22.

⁴⁴ Elliot W. Toryism and the Twentieth Century. L.: Philip Allan & Co. Ltd., 1927. P. 18—19.

⁴⁵ Оукшот М. Что значит быть консерватором [1956] // *Его же*. Рационализм в политике : пер. с англ. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 66.

⁴⁶ Хобсбаум Э. Век Революций. Европа 1989—1848 [1975] : пер. с англ. Ростов н/Д: Феникс, 1999. С. 338.

Социалистическая идеология больше чем любая другая отмечена безусловной устремленностью в будущее, которое вытесняет настоящее и стирает прошлое. В социалистической доктрине с самого начала присутствовали две концепции перехода от капитализма к социализму: «социальная» (культурная) и «политическая», подразумевающая захват власти с последующим проведением преобразований. Социал-реформистский социализм, отрицающий насильственное преобразование мира, на протяжении XX в. сближался с либеральным реформизмом. Революционное же отношение к социальной реальности преобладало в марксистском социализме, который со времен его появления занимает господствующие позиции в социалистической мысли.

Для идеологов марксизма социальное развитие — это перманентный разрыв с прошлым, радикальные трансформации и сдвиги (хотя Маркс признавал, что и после социальных революций элементы прежних формаций продолжают частично сохраняться в качестве постепенно отмирающих пережитков). «Традиции всех мертвых поколений тяготеют как кошмар над умами живых» — известная и не случайная формулировка Маркса⁴⁷. Такая оценка роли прошлого совершенно немислима ни в либеральной, ни в консервативной мысли.

Столь же уникальным является характерное для марксистской идеологии стремление оценивать все происходящее в настоящем с позиций представлений о будущем. Очень показательно, что для Маркса вся история человечества была лишь предысторией. «...Буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества», — писал он⁴⁸. Подлинная же история, по его мнению, должна была наступить с утверждением коммунистического общества. При этом будущее, с позиций марксистской концепции, детерминировано, оно как бы заключено в настоящем⁴⁹, ибо знание законов исторического развития дает возможность не только понимать прошлое и настоящее, но и предсказывать будущее, опираясь на знание этих законов. Отсюда важное место пророчеств в трудах марксистов, причем пророчеств активизирующих.

У идеологии *национал-социализма* в целом складывались весьма непростые отношения со временем. Не случайно столь мудрый политик, как

⁴⁷ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта [1852] // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. М.: Госполитиздат, 1957. С. 119.

⁴⁸ Маркс К. К критике политической экономии [1859] // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1959. С. 8.

⁴⁹ «Маркс использовал некоторый правдоподобный аргумент, согласно которому наука может предсказывать будущее, только если оно предопределено — если, так сказать, будущее присутствует в прошлом, свернуто в нем. Это привело его к ложному убеждению, что строго научный метод должен основываться на строгом детерминизме» (Поннер К. Открытое общество и его враги : пер. с англ. : в 2 т. М.: Культурная инициатива, 1992 [1945]. Т. 2. С. 101).

У. Черчилль, долгое время полагал, что фашизм несет с собой угрозу возвращения в темное и далекое прошлое. Но в 1940 г. Черчилль предупреждал уже не об угрозе возврата в Средневековье, а об опасности гигантского прыжка *вперед*, в *новый* темный век (курсив наш. — И. С., А. П.)⁵⁰.

Фетиш прошлого (и в смысле недавно пережитого национального позора, и в смысле жизнеутверждающего мифа о национальном величии) очень многое определил в содержании немецкого национал-социализма. Как считает немецкий историк Э. Нольте, «30 января <1933 г.> победил в первую очередь не столько Гитлер, сколько взгляд на историю и историческая легенда, характерные для националистической Германии»⁵¹.

Будущее, согласно фашистской политической программе, должно было быть завоевано путем обращения к прославленному, сословно-народному прошлому. Идеолог нацизма А. Розенберг в «Мифе XX века» писал:

«Расовая история является в одно и то же время естественной историей и духовной мистикой. История религии крови является соответственно великим всемирным нарративом подъема и упадка народов, их героев и мыслителей, их изобретателей и художников... “Смысл мировой истории”, рожденный голубоглазой светловолосой расой, которая несколькими гигантскими волнами определила духовное лицо всего мира, распространился с Севера по всей Земле»⁵².

Что касается настоящего, то в национал-социализме оно соединилось с прошлым. «Куда ни кинешь взгляд, везде смесь Средневековья и модернизации»⁵³. С одной стороны, в избытке был пессимизм «асфальтовой цивилизации», противопоставленный «почве», прославлению полуархаического народа крестьян и воинов. Но с другой — в национал-социализме присутствовало стремление к модернизации, достижению технического превосходства, созданию самой современной технологии (при отрицании «асфальтовой цивилизации» — строительство автомобильных дорог, которому придавалось «историческое» значение). Да и крестьянские идиллии должны были осуществляться на территориях, завоеванных с помощью самой передовой военной техники.

Еще одна специфическая идеологическая доктрина современности, сыгравшая ключевую роль в политической мобилизации масс и в отличие от «классических» идеологий продолжающая набирать обороты на рубеже

⁵⁰ Lukacs J. Hitler. Geschichte und Geschichtsschreibung. München: Luchterhand Literaturverlag, 1997. S. 108.

⁵¹ Нольте Э. Европейская гражданская война (1917—1945). Национал-социализм и большевизм : пер. с нем. М.: Логос, 2003 [1989]. С. 30.

⁵² Rosenberg A. Der Mythos des 20. Jahrhunderts. München: Hoheneihen, 1930 (цит. по: Political ideologies / J. A. Gould, W. H. Truitt (eds.). N. Y.: Macmillan, 1973. P. 120).

⁵³ Fest J. Der zerstörte Traum. Vom Ende des utopischen Zeitalters. Berlin: Siedler Verlag, 1991. S. 51—52.

XX—XXI вв., — национализм. Эта идеология отличается от идеологий, рассмотренных нами выше, и соответственно от инспирируемых ими политических движений. Она дает национальным движениям «особые символы, образы и понятия (например, “народ”, “родина”, подлинность, судьба и независимость), которые придают национализмам их мобилизующую привлекательность и направленность»⁵⁴.

Французская революция с идеями *la nation, la patrie* и *le citoyen*, новым французским флагом, Национальным собранием — и другими атрибутами явила собой не только политический, но и «национальный» прорыв в бытии европейских народов. Ее внутривнутриполитические предприятия резко ускорили процесс формирования национальной идентичности во Франции, а внешнеполитические акции в конечном счете положили начало созданию современной европейской геополитической системы. Само понятие «государство-нация» возникает именно в ходе Французской революции.

Э. Хобсбаум отмечает, что «уравнение нация = государство = народ (а тем более суверенный народ), несомненно связывало нацию с определенной территорией, поскольку структура и понятие государства стали теперь по существу территориальными»⁵⁵. С возникновением национальных государств «должна была быть изобретена историческая преемственность, например, путем создания древнего прошлого, не связанного с действительной исторической преемственностью, при помощи полувывымысла (Боудикка, Верцингеторикс, Арминий Херуск) или подделки (Оссиан, чешские “средневековые” рукописи)»⁵⁶.

Двум основным концепциям нации, этнокультурной и государственно-политической, соответствуют два типа национальной идеологии, в которых по-разному выглядит соотношение прошлого, настоящего и будущего. Там, где не было государства, националисты конструировали из мифов прошлого и перспектив будущего идеальное отечество, которое не было укоренено в настоящем и должно было реализоваться политически когда-нибудь в будущем. Там, где государство уже было, создавалось менее мифологизированное былое, но зато оно было больше наполнено политическими символами и ценностями и увязано с политической историей. В этом случае важную роль играло конструирование прошлого, связанное с доминантой настоящего, господствующими идеями и институтами, например, свободы, демократии, индустриализма, парламентаризма и т. д.

⁵⁴ Смит Э. Д. Национализм и модернизм: Краткий обзор современных теорий наций и национализма : пер. с англ. М.: Праксис, 2004 [1998]. С. 177.

⁵⁵ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года : пер. с англ. СПб.: Алетейя, 1998 [1990]. С. 33.

⁵⁶ Hobsbawm E. Introduction: Inventing Traditions // The Invention of Tradition / E. Hobsbawm, T. Ranger (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. P. 7.

Националисты создают то прошлое, которое легитимирует их притязания на государство и территорию, свою или чужую, на политическое доминирование и обладание культурным капиталом. Их темпоральные представления очень зависят от конкретных национальных задач. Они могут почти всецело определяться политическим моментом, а могут — и призрачным идеалом будущего, но во всех случаях прошлое является важнейшим фактором формирования национальной идентичности и политической мобилизации.

Общественные науки и история

Практически во всех общественных науках⁵⁷ наряду со знанием о настоящем присутствуют элементы знания о прошлом (хотя бы на уровне информации) и о будущем (прогнозы). Однако задача общественных наук, в том виде, который они начали приобретать уже в конце XIX в., состоит в эмпирико-теоретическом анализе настоящего. Конечно, «настоящее» в общественно-научном знании включает некоторое прошлое, поскольку любые эмпирические данные о социальной реальности так или иначе принадлежат прошлому, даже если речь идет о свежайших политических новостях. Но если оставить в стороне такое «актуализированное» прошлое, которое трактуется как настоящее, то современные общественные науки, в принципе, не занимаются прошлым.

Но при этом в общественных науках существует отдельная специализированная дисциплина, изучающая прошлую социальную реальность, — история. (Отдельной общественной науки, связанной с производством знаний о будущем, не появилось, хотя и предпринимались попытки создания «футурологии».) Попробуем понять, каким образом историческая дисциплина сформировалась как особый вид знания, а именно — научное знание о прошлой социальной реальности, и как эта специализация концептуализируется в современных условиях.

Начиная со времен Античности термин «история» в значении знания использовался в самых разных смыслах. Но все же в этом многообразии смыслов всегда присутствовало, наряду со многими другими, понимание «истории» как чего-то вроде общественно-научного знания (точнее, прообраза того, что мы теперь называем обществознанием). С эпохи эллинизма «историей», когда более, когда менее отчетливо, обозначалось эмпирико-теоретическое знание о социальной реальности. Хотя оно чаще всего переплеталось с философией, мифами (религией), искусством, моралью и т. д.,

⁵⁷ Чтобы не вдаваться в бесплодные классификационные дискуссии, мы не будем проводить специального различия между социальными и гуманитарными науками и науками о человеке, обозначая весь комплекс наук о социальной реальности как общественные науки или науки об обществе (в широком смысле).

но элементы общественно-научного знания явно присутствуют в большинстве тех сочинений, которые именовались «историческими», начиная с Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Полибия, Ливия, Тацита и др.

Удельный вес общественно-научного смысла термина «история» по известным причинам падает в эпоху Средневековья, когда религиозное знание становится абсолютно доминирующим, и возрождается только в эпоху Ренессанса. «Исторические» сочинения Никколо Макьявелли, Флавио Бьондо, Жана Бодена и их последователей все больше напоминают современное обществознание, т. е. эмпирико-теоретическое (не философское, не эстетическое, не этическое и т. д.) знание о социальном мире, отличаемом от мира божественного и природного. Наряду с «общественно-научным» смыслом термину «история» продолжают придаваться и иные смыслы, отождествляющие его со знанием о божественной и природной реальности. Но уже со времен Фрэнсиса Бэкона, как правило, в этих случаях слово «история» доопределяется как «естественная (природная)» или «божественная (церковная)». «Просто история» все чаще отождествляется с особым типом знания о социальной реальности.

Ко второй половине XVIII в. этот смысл «истории» в значении общественно-научного знания становится доминирующим — достаточно обратиться к известным работам лорда Болингброка (Г. Сент-Джона), Г.-Б. де Мабли, французских энциклопедистов. Такая широкая трактовка «истории», по сути сформировавшаяся в середине XVII в., отчасти сохранялась вплоть до конца XIX в. — в частности, И. Дройзен, В. Дильтей, В. Виндельбанд, Г. Риккерт именовали все общественные науки «историческими». Более того, следы отождествления «истории» с обществознанием можно увидеть и в дискуссиях середины XX в., когда в рамках аналитической философии стал обсуждаться вопрос о методах объяснения в естественных и общественных науках. В этих дискуссиях, в том числе у К. Гемпеля, Э. Нагеля, У. Дрея, естественно-научное знание сопоставлялось прежде всего с «историей», под которой неявно понималось общественно-научное знание в целом.

В середине XIX в., т. е. в период, который условно можно обозначить как позитивистский этап представлений о структуре знания, история все еще не идентифицируется как дисциплина, занимающаяся прошлой социальной реальностью. В этот период общественные науки постепенно отделяются от философии, но в результате единое общественно-научное знание представляется разделенным на «теоретическую» часть, которая присоединялась к естественным наукам, и «эмпирическую» часть, которая и называется «историей».

Коренной перелом наступает в последней трети XIX в., когда начинают формироваться современные представления о структуре знания. Во-первых, в этот период в явном виде концептуализируется понятие общественных

наук как эмпирико-теоретического знания о социальной реальности, отличного от других видов знания. Во-вторых, выделяются самостоятельные общественно-научные дисциплины (политология, социология, экономическая наука, этнология, психология и т. д.). Наконец, что существенно для нашего анализа, именно в этот период возникает размежевание «истории» как общественно-научного знания о *прошлой* социальной реальности и всех остальных общественных наук.

Состоявшееся самоопределение истории не означало конца дискуссий о характере исторического знания. С точки зрения традиционных представлений о знании деление по параметру времени выглядело довольно странно прежде всего при сопоставлении с естественно-научным знанием, которое задавало своего рода стандарт «научности» до середины XX в. Посему вплоть до этого времени (а по сути и позже) выдвигался тезис о том, что история не является наукой. Это позволяло элиминировать «странное» разделение между общественными науками и историей, но по сути просто переводило проблему на другой уровень.

Если считать историю каким-то вненаучным видом знания, например, искусством, как это делал Б. Кроче, то снова возникает вопрос о том, почему в искусстве надо выделять специализированное знание, определяемое по параметру времени, если искусство в целом всегда включает знание о прошлом. Точно так же не решает проблемы утверждение, что история является неким смешанным видом знания, включающим элементы науки, философии, искусства, морали и т. д. Это опять-таки не объясняет причин тематизации «прошлого» в качестве самостоятельного объекта изучения, так как оно не дифференцируется специально ни в одном из перечисленных типов знания.

Историческое знание является по своей природе рациональным эмпирико-теоретическим знанием о социальной реальности. Поэтому история не отличается от общественных наук ни по «по методу», как эмпирико-теоретическое знание, ни «по предмету», так как изучает социальную реальность. Однако история дифференцируется по времени, являясь знанием о *прошлой* социальной реальности.

Но из этого следует, что общественные науки в целом занимаются «настоящим». Принятие этого тезиса, естественно, требует ответа на несколько вопросов. Во-первых, почему только в общественно-научном знании выделилось в самостоятельную область знание о прошлом? Во-вторых, если история — знание о прошлом, то как определить по параметру времени остальные общественные науки? Если они являются знанием о настоящем, то где граница между прошлым и настоящим в общественно-научном знании, и чем она определяется?

Как отмечалось выше, отделение истории от остальных общественных наук произошло далеко не сразу. Например, на начальном этапе специали-

зации общественно-научного знания крупные работы по исторической социологии не были исключением, каковым они стали впоследствии. Причина заключалась не только в том, что социология проходила некий этап самоопределения и еще не сделала окончательного выбора. Дело и в некоторых характерных для XIX в. обольщениях относительно возможности «открыть» универсальные или «естественные» законы, пригодные для «всех времен и народов». Естественно-научная парадигма в обществоведении, идущая от О. Конта, толкала социологов к определению всеобщих законов развития общества. Эволюционный подход, связанный с признанием социальной динамики, также ориентировал на поиски *законов* — в данном случае законов развития, законов перехода от одной общественной системы к другой.

Последующий отказ от естественно-научного подхода в социологии, экономике и других социальных дисциплинах сопровождался общим «охлаждением» к проблематике прошлого. Выработка общественными науками самостоятельного категориального и теоретического аппарата, отказ от некогда модного «исторического» подхода и обращение к методам структурно-функционального анализа в некотором смысле отрезали их от прошлого. Как справедливо заметил американский историк Л. Стоун четверть века тому назад, «ни одна группа представителей социальных наук не интересуется серьезно ни фактами, ни интерпретацией изменений, если они происходили в прошлом»⁵⁸.

Вместе с тем и сегодня нельзя говорить в обычном смысле о том, что общественные науки занимаются «настоящим». Подавляющая часть информации о социальной реальности, которой оперируют исследователи, так или иначе относится к прошлому. Любая *сегодняшняя* газета рассказывает о *вчерашних* событиях, т. е. о прошлом, хотя читатели воспринимают свежую газетную информацию как рассказ о настоящем. То же самое относится и к телевизионным новостям: за исключением прямых репортажей, все остальные новости — это рассказ о событиях, которые уже произошли, т. е. относятся к прошлому.

Поскольку размежевание прошлого и настоящего связано с формированием понимания прошлого как Другого, то тем самым определяется граница между настоящим и прошлым: к настоящему, т. е. к предмету специализированных общественных наук, относится та часть прошлого, когда общество не было Другим по отношению к настоящему, и поэтому к нему применимы схемы, модели, теории и концепции, созданные для анализа современности. Ясно, что эта граница условна и размыта; по отдельным дисциплинам и даже внутри каждой из них грань между прошлым и настоящим может сильно различаться. Но общий принцип деления «по времени» остается неизменным.

⁵⁸ Stone L. The Past and the Present Revisited. L.: Routledge, 1987. P. 9.

Говоря о том, что современные общественные науки (в широком смысле, включая и «гуманитарные») не занимаются специально прошлым, а передали его в ведение исторической науки, необходимо сказать об одном важном исключении, а именно о филологии. Хорошо известна тесная связь истории и филологии, которая проявлялась в структуре образования, от включения истории в курс грамматики, входившей в состав «тривиума», до возникших в XIX в. историко-филологических факультетов университетов. Эта «смычка» определялась тем, что история, как и филология, связана с текстами — историки используют тексты для изучения прошлого и пишут «истории-тексты». Но одновременно филология, по крайней мере со времен Возрождения, имеет дело с прошлым. Более того, именно Лоренцо Валла едва ли не первым концептуализировал понятие прошлого как Другого на уровне анализа текстов, выдвинув и доказав идею о том, что в прошлом создавались *другие тексты*. Можно продолжить ряд гуманитарных дисциплин, сохранивших изучение прошлого в своей компетенции, указав, например, искусствоведение.

Но хотя некоторые дисциплины и не передали изучение прошлого в ведение исторической науки, внутри этих дисциплин все же присутствует определенное разделение исследований «по времени»: существуют специалисты по античной литературе и искусству, по литературе раннего Нового времени, по искусству XIX в. и т. д., равно как и по современной литературе и искусству. Конечно, специализация «по времени» здесь не является жесткой, тем не менее ее можно обнаружить. Точно так же в общественных науках специалисты по «истории мысли» обычно образуют отдельную экспертную группу.

Таким образом, мы подошли к ответу на вопрос о том, почему только в одном типе знания — научном знании о социальной реальности — специально выделяется знание, относящееся к прошлому. С точки зрения «предмета» ясно, что из трех типов реальностей — божественной, природной и социальной — только последняя мыслится как подверженная существенным (быстрым, качественным) изменениям. Божественная реальность зачастую вообще предполагается неизменной, если же какие-то изменения в ней и допускаются, то периоды, качественно отличающиеся от настоящего (например, в христианстве — эпоха до рождения Христа), обычно привлекают гораздо меньше внимания, чем настоящее. В мире неживой природы постулируется или низкая скорость изменений, или отсутствие качественных изменений, и анализ прошлых состояний объекта изучения той или иной науки уже не требует специальных дисциплин и решается непосредственно в рамках астрономии, геологии и т. д. Для живой природы, где скорость изменений выше, эта проблема выражена уже более отчетливо, и с этим связано возникновение таких разделов биологии, как палеозоология и палеоботаника.

С точки зрения «метода» также понятно, почему специализация «по времени» возникает в рамках научного знания о социальной реальности. Другие виды знания — философия, мораль, искусство, идеология и т. д. — хотя и конструируют не только нынешнюю, но и прошлую и будущую социальную реальность, но в основном делают это с помощью вневременных, атемпоральных категорий (бытие, добро, красота, польза, власть и т. д.). В общественно-научном же знании не существует «теории вообще», не привязанной к времени и социальному пространству. Даже самые формальные экономические модели исходят из некоей реальности, существующей в определенное время и в определенных странах.

Поэтому, в частности, мы не можем согласиться с распространенным мнением, будто бы историк лишь транспортирует в прошлое проблемы, которыми применительно к современному обществу занимаются представители других социальных наук. Дело в том, что теории общественной жизни применимы только к определенному историческому периоду и адекватны только ему. Каждая область человеческой деятельности имеет свое прошлое, а следовательно, и свою историю, и свою теорию.

С пониманием этого связан, по нашему мнению, очевидный спад влияния так называемой новой научной истории, которая изначально представляла собой попытку «продлить настоящее в прошлое». Ее сторонники явно или неявно исходили из возможности применения аппарата современных общественных наук к прошлому. Тем самым, по существу, постулировалась относительная неизменность общества, его социальной или экономической структуры. Однако чем больше отличалось от современного то общество, которое пытались конструировать представители «новых научных историй», тем очевиднее были неудачи. Типичный пример — книга американских историков Р. Фогеля и С. Энгермана «Время на кресте»⁵⁹, где общество, основанное на рабском труде, анализировалось в понятиях современной рыночной экономики. После этого в большинстве случаев американская новая экономическая история старалась не углубляться в периоды, предшествовавшие окончанию Гражданской войны в США, или, по крайней мере, предпочитала ограничиваться историей нерабовладельческих штатов.

Сфера действия и применимости большинства современных экономических, социологических, политологических концепций не превышает 100—150 лет (а во многих случаях много меньше). Все, что находится за пределами этого периода, требует иного теоретического и категориального аппарата. Начиная с какого-то момента для теоретического анализа исчезнувшей реальности надо разрабатывать другие схемы, модели и концепции. Таким образом, историческое знание оказывается не одной наукой, а

⁵⁹ Fogel R. W., Engerman S. L. Time on the Cross: The Economics of the American Negro Slavery : 2 vol. Boston: Little, Brown, 1974.

системой наук, точнее даже, множеством систем, каждая из которых соответствует какому-либо типу общества из существовавших в прошлом.

Условно говоря, в идеале, например, для анализа эпохи Просвещения требуется своя социология, экономическая наука, политология и т. д. Или по-другому: должна существовать социология эпохи Просвещения, Ренессанса, позднего Средневековья, раннего Средневековья и т. д.⁶⁰ Однако современное общество явно не склонно оплачивать труд необходимого для этого количества специалистов, занятых столь неактуальными проблемами. Человеческие ресурсы, участвующие в этом предприятии, весьма и весьма ограничены, чем и объясняется недостаточная «теоретичность» исследований, выполненных историками, и малое число исследований прошлой социальной реальности, произведенных учеными-обществоведами.

То обстоятельство, что история занимается изучением прошлого, не означает, что она не связана с настоящим. Историческое знание в каждый момент времени во многом определяется настоящим. В этом смысле конструкция прошлой реальности, воплощенная в сегодняшнем историческом знании, неразрывно связана с конструкцией настоящего, представленной в общественных науках.

Конечно, предлагаемая нами концепция применима только к современной научной эпистеме, в которой существует целый ряд сложившихся социальных дисциплин, отвечающих стандартам научного знания. И методы, которые использует, разрабатывает (или должна была бы найти и применить) историческая наука для познания своего объекта, отражают (или должны отражать) состояние социального знания на данный момент. Но, как нам кажется, внесение третьей «классификационной оси» — времени — позволяет точнее определить место истории в системе знания.

Обыденное знание

Обыденное знание о прошлом стало привлекать внимание исследователей лишь в последние десятилетия. Интерес к этому феномену проявляют представители разных дисциплин: социологии, социальной психологии, культурной и социальной антропологии, равно как и истории. Сегодня им занимаются также специалисты в области политических технологий, массовых коммуникаций и т. д. В принципе, проблема формирования социаль-

⁶⁰ Применительно к экономике эту идею развивали представители немецкой историко-экономической школы XIX — начала XX в. (например, К. Бюхер, А. Шпитгоф), считавшие необходимым разработку специальных экономических теорий для каждой «хозяйственной стадии» или «хозяйственного стиля». Такие теоретические концепции, привязанные к тому или иному историческому периоду, они именовали «наглядными теориями» в противоположность «вневременной» или «формальной» теории хозяйства, которая должна объяснять явления, не подверженные историческим изменениям.

ных (коллективных, массовых и т. п.) представлений детально изучалась в разных дисциплинах. Но к сожалению, многообразие подходов, концепций, моделей и результатов, полученных в рамках социологии, культурной антропологии и психологии, пока, насколько нам известно, практически не нашло применения в изучении социальных (обыденных) представлений о *прошлом*.

Обыденное знание о прошлом складывается из нескольких разнородных компонентов. Во-первых, это знания, формируемые на основе личного опыта действующего. Речь идет об образах прошлого, возникающих на основе прошлой жизни индивида и воспоминаний о ней, рутинных повседневных действий.

Во-вторых, это различного рода «групповое прошлое», т. е. прошлое отдельных групп, членом которых является данный индивид. Групповое прошлое (прошлое нынешних и бывших членов группы) является важным элементом групповой идентификации. В то же время обыденное знание отнюдь не тождественно групповому. Групповые представления (групповое знание) — феномен, хорошо исследованный в социальной психологии как на уровне механизма формирования, так и с точки зрения содержания. Учитывая многообразие социальных групп, общее понятие групповых представлений оказывается весьма расплывчатым, в частности в силу наличия профессиональных экспертных групп, ответственных за производство и поддержание тех или иных сегментов социального запаса знания. В свою очередь, представления в группах, не связанных профессионально с производством знания, также в значительной мере формируются своего рода «экспертами», условно говоря — «идеологами» группы, и лишь затем в той или иной степени усваиваются остальными ее членами. Нас в данном случае интересует лишь эта последняя составляющая, а именно — обыденные представления о прошлом членов различных социальных групп.

В-третьих, в обыденном сознании отражаются и специфическим образом преломляются различные специализированные знания о прошлом — религиозные, философские, научные, художественные и т. д. Как правило, до уровня обыденных представлений специализированные знания доводятся через различные опосредующие звенья. В современных условиях — это прежде всего учебная и научно-популярная литература и различного рода радио- и телепередачи, а, скажем, в Средние века таким инструментом служили проповеди и религиозные церемонии.

Конкретное содержание обыденных знаний многие исследователи пытаются выявить на основе косвенных сведений о неких социальных действиях (ритуальных, обрядовых, церемониальных и т. д.), в которых, теоретически, находят отражение представления совершающих эти действия или участвующих в них «простых» людей. Благодаря такого рода исследованиям мы теперь действительно довольно много знаем о том, что «безмолв-

ствующее большинство» (выражение А. Гуревича)⁶¹ делало, но по-прежнему очень мало знаем о том, что оно думало. В особенности это относится к обыденным представлениям о прошлом. По существу, лишь в XX столетии стали доступны несколько видов источников, отражающих в той или иной мере массовые исторические представления.

Первым таким источником являются различного рода *мемуары и воспоминания*, активно используемые при изучении индивидуальной и семейной памяти о прошлом, прежде всего в рамках истории повседневности. По меньшей мере с XVI в. мемуары начинают составляться разными представителями городского населения, и вплоть до XX в. поток мемуарной литературы постоянно нарастал. Во второй же половине прошлого века в дополнение к стихийному процессу производства мемуаров «снизу» возникла практика целенаправленного сбора индивидуальных воспоминаний профессиональными исследователями. Возникло даже такое направление историографии, как «устная история» новейшего времени, отчасти смыкающееся с социологией и обеспеченное новыми способами обработки информации (звукозапись, перевод в машиночитаемую, а затем и в электронную форму и т. д.)⁶².

Тем не менее, с нашей точки зрения, большинство исследований в этой области пока напоминает любительскую стадию развития исторического знания — тогда коллекционировали древности (предметы материальной культуры), сегодня — воспоминания обычных людей о событиях, получивших статус «исторических». Дело в том, что, во-первых, этот источник охватывает представления лишь об относительно недавнем прошлом; во-вторых, он в большинстве случаев связан с ограниченным набором событий; в-третьих, он ориентирован прежде всего на *групповые* представления, которые могут существенно отличаться от массовых.

Второй источник сведений о массовом знании о прошлом — различного рода *контрольные тесты и опросы учащихся* школ и высших учебных заведений, ориентированные на проверку степени усвоения ими программ по истории и имеющихся у них «остаточных знаний», пользуясь терминологией российского министерства образования. Результаты этих проверок знаний широко обсуждаются в преподавательском сообществе и служат важной основой для корректировок и совершенствования учебных программ по истории⁶³.

⁶¹ Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства [1990] // *Его же. Избранные труды* : в 2 т. СПб.: Университетская книга, 1999. Т. 2. С. 261—547.

⁶² См.: Томпсон П. Голос прошлого: Устная история : пер. с англ. М.: Весь мир, 2003 [1978/2000].

⁶³ См., например: *Knowing, Teaching, and Learning History: National and International Perspective* / P. Stearns, P. Seixas, S. Wineburg (eds.). N. Y.: New York Univ. Press, 2000.

В США исследования знаний учащихся по истории проводятся раз в несколько лет начиная с 1987 г. в рамках программы NAEP (National Assessment of Education Progress — Национальная оценка прогресса в образовании), реализуемой Национальным центром образовательной статистики при Министерстве образования США и охватывающей все базовые учебные дисциплины⁶⁴. Во второй половине 1990-х гг. масштабная программа оценки знаний учащихся по истории начала осуществляться в Европе по инициативе Европейского союза. В настоящее время программа действует в 27 европейских странах⁶⁵. И американские, и европейские обследования охватывают около 30 тыс. учащихся.

Основным и наиболее распространенным источником сведений о социальных представлениях являются *опросы общественного мнения*. К сожалению, концептуальное качество большинства опросов на интересующую нас тему не очень высоко, и получаемые в результате данные оказываются не слишком информативными с точки зрения целей нашего исследования. Это, впрочем, неудивительно, поскольку опросы общественного мнения ориентированы на другие (прежде всего идейно-политические) задачи, что отражается и в подходе к изучению массовых исторических представлений.

Тем не менее опросы позволяют выявить некоторые важные параметры обыденного знания о прошлом в современном обществе. Некоторые из них имеют относительно универсальный характер, другие отличаются значительной страновой спецификой. Примером национальных различий может служить распределение интереса и, соответственно, качества исторических знаний по «уровням», от семейного прошлого до всемирного. Так, для американцев основным объектом интереса является семейное прошлое (2/3 опрошенных), на втором месте с большим отрывом идет национальное прошлое (22% опрошенных), а все остальное «прошлое» фактически не существенно: своей этнической историей интересуется 8%, а локальной — лишь 4% опрошенных⁶⁶.

В российском обыденном знании о прошлом, судя по имеющимся косвенным свидетельствам, интерес к семейному прошлому и, соответственно, уровень знаний о нем необычайно низок. Согласно данным опросов, только в 7% семей составляется родословная⁶⁷ и лишь 24% опрошенных знают

⁶⁴ О программе NAEP в целом и ее историческом компоненте см.: URL: <http://nces.ed.gov/nationsreportcard> (дата обращения: 05.03.2011 г.).

⁶⁵ Описание программы и анализ ее результатов см., например, в: *Borries B. [von]. Methods and Aims of Teaching History in Europe: A Report on Youth and History // Knowing, Teaching, and Learning History: National and International Perspective.* P. 246—261.

⁶⁶ См.: США. Телефонный опрос. 1997 г. N = 800; *Rozenzweig R., Thelen D. The Presence of the Past: Popular Uses of History in American Life.* N. Y.: Columbia Univ. Press, 1998. Tab. 1.4.

⁶⁷ См.: опрос Социологического центра АОН (РАГС). Российская Федерация. 1990 г. N = 2200.

имена и отчества своих прадедов⁶⁸. Значительно более важную роль, чем семейная история, играет на массовом уровне локальная, региональная и этническая история. По каждому из этих уровней от 14 до 17% респондентов оценивают свои знания как хорошие и от 50 до 55% — как посредственные. Наиболее значима для россиян роль национально-государственного прошлого — 21% опрошенных считает свои знания в этой области хорошими и 65% — посредственными. Что касается всемирной истории, то здесь лишь 3% респондентов определяют свои знания как хорошие и еще 38% — как посредственные⁶⁹.

Согласно данным опросов, одним из главных мотивов к получению знания о прошлом является национально-государственная идентификация, но получается, что россияне для этого совершенно не нуждаются в знании всемирной истории, а вполне удовлетворяются историей национальной. Впрочем, точно такая же ситуация наблюдается, например, и в США.

В хронологической перспективе обыденные знания о прошлом в основном связаны с новейшей историей. Например, согласно российским опросам, при выборе выдающихся исторических личностей более половины всех называемых имен приходится на XX в. По мере удаления в прошлое объем знаний начинает быстро убывать, но эта тенденция не является линейной. Так, у россиян практически отсутствуют знания о периоде I—X вв., примерно равный объем знаний имеется по периодам XI—XV вв. и I—VI вв. до н. э. (о более раннем периоде объем знаний практически нулевой)⁷⁰.

Помимо общего смещения знаний о прошлом в пользу новейшей истории, которое обусловлено прагматическими когнитивными интересами, распределение знаний о прошлом по периодам определяется и рядом более сложных обстоятельств — прежде всего длительностью национальной истории, а также сферой или объектом знаний (в частности, знания по политической истории и истории культуры распределяются во времени разным образом). Наконец, хронологическое распределение знаний зависит от содержательных характеристик самих исторических периодов, среди которых естественным образом выделяются более и менее значимые (важные) с точки зрения массовых представлений.

Анализ результатов различных социологических опросов позволяет сделать вывод о том, что представления о прошлом политической и социально-экономической подсистем структурируются на трех уровнях: значимых исторических периодов, исторических событий и исторических личностей. При

⁶⁸ См.: опрос Социологического центра РАГС. Российская Федерация. 2001 г. N = 2400.

⁶⁹ См.: опросы Социологического центра АОН (РАГС). Российская Федерация. 1990 г. N = 2200; 2003 г. N = 1950.

⁷⁰ См.: опросы ВЦИОМ (Левада-Центр). СССР. 1989 г. N = 2700, всего названо 115 имен; Российская Федерация. 1994 г. N = 3000, всего названо 168 имен.

этом на всех трех уровнях присутствуют позитивные и негативные оценки, связанные с ценностно-эмоциональным подходом. Эти три уровня структуризации тесно взаимосвязаны, хотя и не всегда однозначным образом. Но, как правило, исходным пунктом являются важные события, которые придают значимость тому временному периоду, когда эти события происходили, и тем личностям, которые активно участвовали в данном событии.

Как показывают опросы общественного мнения, к числу таких событий относятся прежде всего военные конфликты (как внешние, так и внутренние); события, связанные со становлением национальной государственности или изменениями государственного устройства (революции, смены политических режимов), а также смена правителей (особенно в результате насильственных действий); экономические потрясения (кризисы, голод и т. д.). При этом почти все события мировой истории на уровне массового сознания рассматриваются через призму национальной истории, сама по себе «всемирная история» в обыденном знании практически не отражена.

В отличие от политической, военной и социально-экономической истории, где на уровне обыденного знания выделяются значимые события, периоды и соответствующие исторические личности, представления о прошлом в области культуры в опросах общественного мнения, к сожалению, определяются только на уровне достаточно стандартного списка имен выдающихся личностей (хотя, может быть, это и соответствует обыденным представлениям) и лишь отчасти — согласуясь с плодами их деятельности.

В целом уровень интереса и, соответственно, объем знаний политической истории выше, чем истории культуры, причем в России этот разрыв в течение последних 15 лет увеличивается (значимость «политики» возрастает, а «культуры» — уменьшается). При этом в сфере «политики» доминирующими являются собственно военно-политические компоненты, в то время как социально-экономические явления находятся на периферии обыденного интереса к прошлому.

К сожалению, имеющиеся эмпирические данные не позволяют пока судить об обыденном знании о прошлом в сколько-нибудь полном объеме. Речь может идти лишь о выявлении неких наиболее явных «опорных точек», образующих, условно говоря, некие видимые «надводные вершины» социальных (массовых) представлений о прошлом, основная часть которых пока остается скрытой от глаз исследователей.

Результаты тестов, проводимых среди школьников и студентов, как и опросов населения в целом, во всех странах свидетельствуют о формально очень низком уровне массовых исторических знаний⁷¹. Однако нам кажется,

⁷¹ Уже первое обследование исторических знаний школьников, проведенное в США в 1987 г., выявило некоторые удручающие факты. Например, в выпускных классах американских школ (12-й год обучения), один из пяти учащихся считал, что Уотергейт произошел до 1900 г. и лишь одна треть учащихся смогла правильно датировать Гражданскую войну в США хотя

что эти результаты следует интерпретировать с большой осторожностью. Действительно, если речь идет о конкретных датах, событиях и личностях, то соответствующие знания выглядят крайне скудными и примитивными, а их объем — весьма ограниченным. Но незнание исторической конкретики само по себе не может рассматриваться как свидетельство неинструментальности обыденных знаний о прошлом в целом.

Тесты и опросы выявляют «конечные результаты» только одного типа: они предоставляют информацию о систематизированных знаниях или знании фактов, но не позволяют судить, в какой мере усвоенные знания выполняют главную функцию — дают возможность ориентироваться во времени и в социальном пространстве. Поясним свою мысль на примере естествознания. Подавляющая часть взрослого населения любой страны вряд ли сможет воспроизвести законы Ньютона, но при этом все понимают, почему брошенный камень падает на землю, а Земля не улетает от Солнца. Точно так же наличие общих представлений об электричестве и работе бытовых электроприборов не связано с точным знанием закона Ома. Это же относится и к знаниям в области химии, биологии, медицины и т. д.

Иными словами, хотя после окончания школы большинство людей в современных обществах быстро забывает конкретные формулы, законы и т. п., полученные естественно-научные знания позволяют в течение всей оставшейся жизни ориентироваться в физической реальности и понимать базовые принципы ее устройства в соответствии с относительно современными научными представлениями (хотя бы на уровне естествознания XIX — начала XX в.). Благодаря усвоенным знаниям значительная часть населения может воспринимать и некоторые новейшие научные теории, популяризируемые печатными изданиями (вплоть до женских журналов), а также телевидением и радио.

Гипотетически можно предположить, что такая же ситуация существует и в области массовых представлений о социальной реальности, в том числе и о прошлом. Незнание дат и конкретных исторических фактов вполне может сосуществовать с наличием функциональных знаний об устройстве социального мира, его историческом развитии и, соответственно, о «времениположении настоящего». Если эта гипотеза верна, то отсюда следует гораздо большая, чем принято считать, познавательная значимость школьного общественно-научного образования в целом, и исторического — в частности.

бы с точностью до половины столетия! (См.: *Ravitch D., Finn C., Jr. What Do Our 17-Year-Olds Know? A Report on the First National Assessment of History and Literature.* N. Y.: Harper & Row, 1987). Согласно результатам тестов, проводившихся в 1994 и 2001 гг., 57% учащихся выпускного класса американской школы знают историю только на тройку и на двойку (по российской системе оценок). См.: *National Center for Education Statistics. The Nation's Report Card. US History Highlights, 2001.* URL: <http://nces.ed.gov/nationsreportcard/pdf/main2001/2002482.pdf> (дата обращения: 05.03.2011 г.).

Научное издание

Неклассическое наследие

Андрей Полетаев

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *Е.А. Рязанцева*

Художественный редактор *С.Д. Зиновьев*

Компьютерная верстка и графика: *Н.Е. Пузанова*

Корректоры: *Е.Е. Андреева, Н.В. Андрианова*

Подписано в печать 16.08.2011. Формат 70×100/16. Гарнитура MinionPro

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 54,2. Уч.-изд. л. 40,5

Тираж 600 экз. Изд. № 1438

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел./факс: (499) 611-15-52

ISBN 978-5-7598-0895-4

9 785759 808954